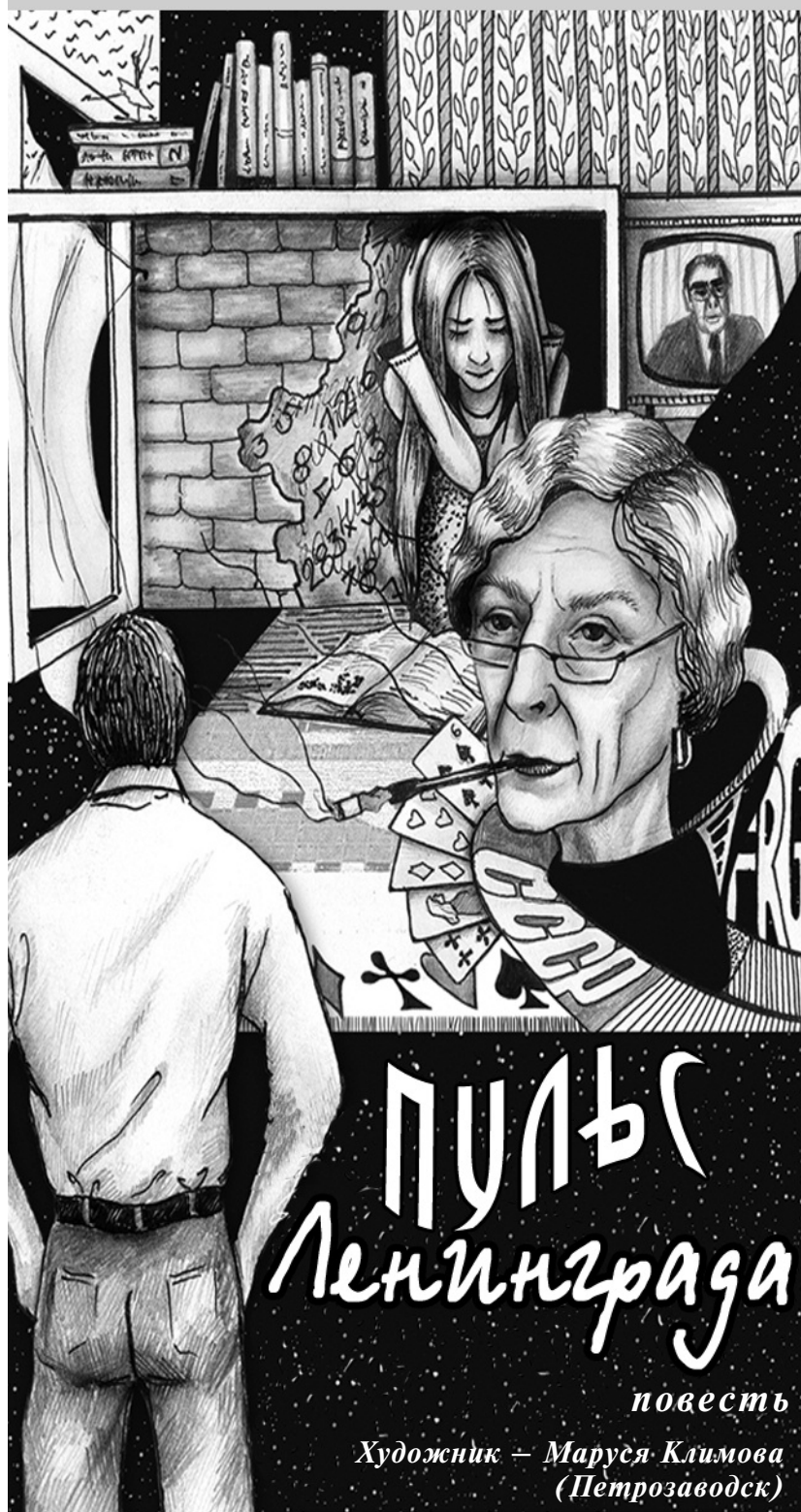

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

1982

Так уж сложилось: о многих значимых для страны событиях Юля Бергман узнавала позже «сознательных» сограждан. Даже о смерти генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева она узнала не в школе, как все одноклассники, а дома.

В ноябре 1982 года их, учащихся средней школы № 17 на Васильевском острове, собрали на линейку, а после — сразу распустили. Вопреки Юлиным ожиданиям, родители к тому времени тоже вернулись домой, в коммуналку на 21-й линии Васильевского острова. Странно: обычно отец сутками пропадал в своём СМУ, а мама-инженер — на заводе электроники.

В углу, отгороженном цветастыми занавесками, на скрипучей сетке односпалки ворочалась бабушка, мамина мама, — Тамара Изольдовна. Она полулежала, подложив под спину пуховую подушку, и взволнованно всматривалась в экран телевизора. В её глазах с замутнёнными райками читалась боязнь, свойственная старикам. От долгого напряжения в уголках покрасневших век проступали слёзы; накопившись, они стекали по морщинистым щекам.

На чёрно-белом экране «Рекорда» показывали сетку настройки телевизора — нередко в дневное время ставили профилактику.

Хмурый отец расхаживал по комнате. Четыре шага налево — громоздкий буфет с посудой, четыре шага направо — старомодный сталинский диван с деревянной отделкой и зеркалом в спинке. Стены, увешанные полками с книгами, ещё больше скрадывали пространство их комнатушки.

На диване, прикрыв лицо ладонью,

всхлипывала растерянная Ольга Израилевна. Каждый раз, когда Юрий Петрович подходил к ней, он на мгновение останавливался, из-под сурово сдвинутых бровей бросал тяжёлый взгляд на жену и мрачно бубнил:

— Теперь, Оленька, такое начнётся!..

— Вот почему вчера концерт ко Дню милиции отменили! Крутили «Лебединое озеро» и фильм «Депутат Балтики»! — вторила ему бабушка. — Я сразу поняла: балет по телевизору ничего хорошего не сулит.

И снова невидимая сила направляла отца в обратный путь — к буфету.

Вернувшись из школы дочь робко топталась в дверях. Юле показалось, что, пройди она в глубь комнаты, — отец своим маятным хождением неминуемо сойдёт её с ног.

— Что-то случилось? — наконец спросила она.

Наверное, прозвучало это слишком громко и неожиданно — отец замер посреди комнаты, будто на пути к дивану выросла стена. Сначала он изумлённо уставился на жену, видимо полагая, что это она задала вопрос, и лишь потом заметил дочь. Юля невольно сжалась под его стеклянным взглядом, подняла портфель к груди, будто защищаясь. Она никогда не видела отца таким — растерянным, опустошённым.

— С... онча... ся ...онид И...ич!

Он понял, что испугал дочь. Глаза его ожили, рассудок вернулся. Сделав два шага, тяжело опустился на диван рядом с женой, провёл ладонью по лицу.

От волнения Юля не расслышала все звуки, но по артикуляции губ отца поняла: умер Брежнев. Сунув руку в портфель, она достала слуховой прибор и привычным движением вставила его в ушную раковину.

Юля и сама удивилась, как пропустила такую новость. Теперь догадалась: школьная линейка была посвящена кончине первого лица государства.

Обычно на линейке торжественно принимали в пионеры или выдавали значки и удостоверения комсомольцам, реже собирались для порицания какого-нибудь нерадивого ученика. Например, однажды их, тогда ещё четвероклашек, выстроили для того, чтобы осудить двух братьев-близнецов: они росли в верующей семье и наотрез отказались вступать в октябрята. Тогда у Юли Берг-

ман был хороший слух. Над братьями посмеивались и даже издевались одноклассники, и она тоже. Потом тех близнецов перевели в другую школу, а Юля, после болезни частично потерявшая слух, стала новым объектом для насмешек.

В общем, обычно на школьной линейке ничего интересного не бывает, поэтому Юля Бергман явилась на неё без слухового аппарата: оставила в портфеле, который лежал в кабинете. Была и особенная причина: она не хотела, чтобы Лёшка из параллельного седьмого «а» увидел её с тем прибором. Хотя — что уж! — все в школе знали об этом её недостатке. И всё же Юля надеялась, что когда-нибудь Лёша поймёт: она вовсе не соунья, как дразнили ребята.

Из-за плохого слуха она могла слишком громко отвечать на уроках. Иногда, не расслышав задание, Юля вынужденно по нескольку раз переспрашивала учителя. Это вызывало хохот в классе, поэтому мама научила её читать по губам и контролировать громкость.

«...Надо сосредоточиться, — говорила Ольга Израилевна, тщательно артикулируя звуки, — у тебя сейчас будто вата в ушах заложена. — Юля кивнула, ловя каждое движение её губ. — Представь, что в тебе шумит море. Помнишь, мы ездили на море? — Дочь снова кивнула, вспоминая шум волн. — Чтобы ты не говорила слишком громко, голос не должен заглушать твою внутреннюю морскую волну. Понимаешь?..» Мамин урок Юля усвоила. Теперь на уроках она почти не отличалась от других учеников, но те-то всё помнили и не простили. А учителя жалели девочку, как калеку, и это было обидно.

О смерти Брежнева Юля могла бы прочитать по губам открывавшего линейку директора школы Ивана Фёдоровича Булдакова, бывшего кадрового военного и учителя НВП — начальной военной подготовки. Но в этот момент Юле было не до того. Опустив руки по швам, директор некоторое время пытался втянуть «неуставной» пивной живот и выпятить грудь. Выглядело это комично. Не справившись ни с тем, ни с другим, Иван Фёдорович наконец дал волю животу и зычно — даже Юля расслышала — рявкнул командирским голосом: «Раняйсь! Сирно! А тепери мы откороем...» Тут она не выдержала, прыснула со смеху. Что поделать, её всегда веселила косноязычная речь энвэпэшника, но знай о причине

построения — Юля ни за что бы не рассмеялась. Под неодобрительный шепоток и взгляды одноклассников Нина Юрьевна, их классная, тихонько вывела девочку из строя и, ничего не объясняя, отпустила с занятий. Только теперь, дома, Юля с ужасом поняла, как глупо она выглядела на линейке перед всей школой и Лёшей тоже.

Тем будним ноябрьским днём 1982 года в коридоре коммуналки стояла непривычная тишина. Не буянил вечно пьяный фронтовик дядя Гриша, который после яростного многоколенного мата на всю квартиру громкогласно припечатывал оппонента фразой: «Я бы тебе руки на Оudere не подал!» Тётя Клава, прикрикивая, не гоняла полотенцем своего сына Стёпку, в очередной раз застигнутого у замочной скважины душевой. Своё присутствие жизнь обозначила лишь на кухне: там что-то булькало и шкварчало.

Пообедав, Бергманы включили телевизор, чтобы не пропустить новости. Развернув газету «Труд», отец по привычке сверился с программой передач. Смысла в этом не было: ещё вчера сетку изменили. В среду должны были показывать «Мамину школу», «Народные мелодии», «Сегодня в мире» с Валентином Зориным, политическим обозревателем, а шёл балет... Теперь Бергманы ждали только программу «Время».

Наконец после торжественно-печального боя курантов всенародный любимец диктор Игорь Кириллов сообщил: «...От Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза... с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ... верного продолжателя великого ленинского дела... будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества», — выхватывала Юля слова, поправляя слуховой аппарат.

1986

То, что Советский Союз взял курс на реформы, Юля Бергман узнала по факту — с весны новое слово «перестройка» мелькало в разговорах ленинградцев. Казалось, грядущие перемены витали в воздухе.

Это был памятный для Юли год. Она заканчивала среднюю школу и мечтала о том дне, когда сдаст выпускные экзамены и, наконец,

вырвется из ненавистных стен. Только бы никогда больше не ходить по тесным коридорам, не слышать насмешек, не видеть презрительных взглядов и навсегда распрощаться с одноклассниками, с Лёшей тоже!

Узнавая новости из газет, по радио и телевизору, баба Тома охала в своём углу за занавесками и предрекала человечеству скорую погибель.

В те редкие дни, когда зять не задерживался на стройке до ночи, Тамара Изольдовна, найдя в нём слушателя, пророчествовала:

— ...Вот увидите, Юрий Петрович, — говорила она немного в нос, чуть картавя и затягивая «ю», — скоро начнём голодать! Немец проклятый нас измором хотел взять — не вышло. Теперь эти — простите за резкое слово, никак не обойти его, — дерьмократы! — последний дух из народа вышибают.

Эта сцена повторялась не единожды и стала для Бергманов чем-то вроде ритуала. Высказавшись, Тамара Изольдовна обычно брала с табуретки, заменявшей ей тумбочку, папиросу и, чиркнув спичкой, прикуривала. Зажав старинный дамский мундштук между сухонькими пальцами, она с наслаждением затягивалась и выпускала облачко едкого дыма.

Отец подбегал к окну и рывком распахивал его, выпуская в комнату сырость и шум.

Для Юли днём улица оживала отвратительными звуками: булькала и чавкала, скрипела и гудела проводами, многоголосье перебивало домашние разговоры, размывая схожими звуками слова. Без слухового аппарата слабослышащему человеку различить в этой мешанине что-то знакомое было сложно, а то и невозможно. Зная об этом, окно в комнате старались открывать только по ночам, — конечно, если нет особой необходимости срочно впустить свежий воздух.

Потом отец что-то отвечал бабушке, возможно, они даже спорили, но Юля не вникала — она отдыхала после уроков. На занятиях ей приходилось постоянно вслушиваться в речь учителя, ловить движения губ, поэтому от перенапряжения у неё часто болела голова. В такие минуты отдыха она просто сидела за столом и наблюдала, как курит баба Тома.

А посмотреть было на что! Даже в столь преклонном возрасте Тамара Изольдовна не утратила былой элегантности и шарма. Короткая стрижка

с чёлкой на седых волосах, тонкий нос с горбинкой, гордо вскинутый подбородок, прямая спина, чуть отставленный в сторону локоть...

Бабушка напоминала Юле Марину Цветаеву, творчество которой она недавно открыла для себя, уловив в стихах истинность чувств и мелодию. Вообще, Юля любила поэзию, часто проводила время за книгами. Ей казалось, что она слышит голоса поэтов, и для этого совсем не нужно напрягаться: строки — чаще Ахматовой или Цветаевой — жили внутри неё, это они шумели в ней той морской волной, перекричать которую никак нельзя, чтобы не оглушить окружающих.

Тем апрельским днём 1986-го, когда отец открыл форточку, в комнату ворвалась какофония весенней улицы.

— ...Немец, он такой!.. — рассуждала баба Тома, стряхивая пепел. — Немец решил нас измором взять. Да не по Сеньке шапка! Дали мы им хорошего пинка! А теперь вот свои душегубы наступают. Знают струны души русской, — в слове «русский» после картавого «р» Тамара Изольдовна тянула «у»; потом опять стряхнула пепел. — Знают, как вернее народ извести. Начало положено! Вот начнут пропадать продукты — люди лишатся чувства безопасности, уверенности в завтрашнем дне. Теперь им надо испачкать нашу историю! Вы читали свежие газеты, Юрий?

— От голода мы не умрём, мама. А вот от вашего курения... — отец махал руками, разгоняя облако дыма. — Табачные изделия ещё бы из магазинов пропали... — многозначительно закончил он.

Юрий Петрович не любил разговоры о политике, войне и блокаде. Наверное, на то у него были свои причины.

— Вопреки голоду, мы выстояли блокаду! Одно радует: случись артобстрел — наш дом стоит на неопасной стороне улицы. — Тамара Изольдовна предпочитала оставить последнее слово за собой.

На этом их с зятем разговор закончился. Буравя Юрия Петровича взглядом, Тамара Изольдовна демонстративно потушила папиросу, легла на кровать и, густо закашляв, отвернулась к стене.

Около восьми вернулась с работы Ольга Израилевна. После ужина они с Тамарой Изольдовной уселись за стол играть в преферанс.

— Что-то мне подсказывает: сегодня я выиграю, — с достоинством победителя Тамара

Изольдовна бросила на стол карту, не выпустив из рук мундштука с папиросой.

Юля уселась напротив наблюдать за бабушкой, мысленно перебирала строки Анны Ахматовой:

*Ты куришь чёрную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.*

*Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.*

На школьный выпускной, несмотря на материны уговоры, Юля не пошла. Вместо этого решили отметить дома — как говорится, в узком семейном кругу. Отец по случаю купил вина, мама испекла торт. Стол был сервирован старинной, ещё с царских времён, посудой и столовым серебром.

— ...Сегодня будем играть в преферанс! — во время застолья привычно объявила Тамара Изольдовна. — Что-то мне подсказывает: я выиграю!

Тем вечером она не курила, несколько наигранно покручивала в пальцах пустой мундштук. Иногда за разговором бабушка всплескивала руками, как дирижёр. В такие моменты мундштук казался Юле дирижёрской палочкой, задающей тон беседе.

Тамара Изольдовна много шутила, поинтересовалась, не закрыт ли ещё сезон в БДТ на Фонтанке, когда крайний раз давали «Хануму», тут же переходила на погоду, потом — на политику.

— Вот скажите, Юрий, — протянула она своё привычное «ю» и подняла вверх артритный палец, — чем им Зоя Космодемьянская не угодила?! Столько вылили грязи на бедную девочку! А Павлик Морозов?! Из народа вытравили русский дух, подмывают славу наших побед! Лиши народ исторической памяти, насади туда героев-подлецов — и делай с этим народом что хочешь! А потом нам скажут, что надо было сдать фашистам Ленинград! — она гневно припечатала сухоньким кулачком стол, звякнувший посудой.

144 *Владимир Софиев*

Отец не хотел ввязываться в разговор. Он молча поглощал макароны по-флотски.

— Мама, такого уж точно никто не скажет! Ну давайте не будем о политике в такой день, — взмолилась Ольга Израилевна. — Вы лучше макароны попробуйте.

К Тамаре Изольдовне в семье обращались на «вы» — на старинный манер, и только Юле было позволено говорить бабушке «ты».

— Извольте, — согласилась баба Тома, подавая дочери тарелку. — Хотя в блокаду мы выстояли и без макарон! Вот возьмём телевидение...

Перебив тещу, Юрий Петрович раздражённо стукнул столовыми приборами.

— Не закатывайте глаза, Юрий, я всё вижу! — невозмутимо продолжала Тамара Изольдовна. — Согласитесь: в стране происходит чёрт знает что. Потому и по телевизору смотреть нечего.

— Вы хотите смотреть балет? — съязвил зять.

— Не ёрничайте, Юрий, это вам не к лицу, — парировала Тамара Изольдовна. — Вот скажите мне, куда катится мир? — выдержав паузу, с достоинством королевы взглянула на зятя и церемонно продолжила: — Не могу оставить без внимания вашу колкость, Юрий. Отвечу так: в этом случае пора смотреть по телевизору балет и готовиться к худшему.

— Мама, давайте готовиться к лучшему, — примирительно начала Ольга, они с мужем переглянулись. — В конце концов, у нас есть выпускница! Выпьем за Юлино будущее!

Лето 1986-го ещё давало надежду. Для Юли Бергман начиналась новая жизнь.

1987

Первое взрослое решение Юли, которое поддержала вся семья, было повременить с институтом. Целый год она занималась, упорно готовилась к поступлению и летом следующего года увидела своё имя в списке зачисленных на психологический факультет. Похоже, то «лучшее», о чём говорила Ольга Израилевна, уже начинало маячить на горизонте любимой дочери.

Студенческие будни замелькали своим чередом. Юля с головой погрузилась в учёбу, и она

настолько захватила её, что вытеснила всё: конкурсы были, а вот друзей не заводилось. Юля Бергман хорошо училась, вечеринок чуралась, оттого казалась странноватой. Но что она могла разобрать в этом шуме и гаме веселящейся молодёжи? Как примет её бесшабашное студенческое братство? Кто её услышит? Боясь лишнего внимания, Юля больше отмалчивалась в кругу сверстников.

1988

О том, что есть страны, где люди живут в достатке, в коммуналке на 21-й линии Васильевского острова разговоры шли давно. То почтальон приносил письма из-за границы, то из уст в уста передавали, что ещё кому-то из ленинградцев удалось выехать на ПМЖ. Евреи перебирались в Израиль. Этническим немцам Советского Союза повезло ещё больше — их принимала ФРГ.

В комнате № 5, где жили Бергманы, тоже перешептывались на тему переезда, но с оглядкой на угол Тамары Изольдовны. Поднимать такие вопросы при ней было себе дороже.

А в середине августа Ольга Израилевна пришла с работы воодушевлённая: из отпуска вернулась её сослуживица, родственники которой жили в западной Германии, и в июле той посчастливилось побывать у них.

Вечером Ольга Израилевна слово в слово рассказывала мужу о заграничной жизни. В ту пору ленинградцы уже ощутили на себе «преlestи» Перестройки: прилавки пустели, поговаривали, что в регионах уже отовариваются по талонам. Так что глаза Ольги Израилевны горели от восторга, будто изобилие западно-германских магазинов она видела сама. Мечтать ей оставалось об одном — о переезде. Правда, родственников в Германии у Бергманов не было.

Прошло немного времени, и Ольга Израилевна принесла домой другую новость: ФРГ будет принимать евреев. Откуда она это узнала, бог весть, только с той поры мечта крепко завладела её воображением. Германия теперь часто становилась темой для разговоров суп-

ругов, но ни Юлю, ни Тамару Изольдовну пока не посвящали.

Тем не менее бабушка почуяла новое поветрие. От проницательной Тамары Изольдовны не ускользали взгляды «подпольщиков», которыми обменивались дочь с зятем, стоило кому-то оказаться в зоне слышимости их беседы.

В один из сентябрьских вечеров за ужином Тамара Изольдовна пристально изучала лица заговорщиков.

— К чему бы это, Ольга Израилевна? — с вызовом в голосе спросила она. — Что вы должны мне сообщить?

Дочь с шумом вздохнула, пытаясь скрыть нервозность. Молчать и дальше было бессмысленно.

— Мы хотим отдать Юленьку на курсы немецкого языка, — призналась она.

Напряжённо вслушивающаяся в разговор Юля краем глаза всё же успела заметить, как под столом мать сжала ладонь отца.

— Вы хотите отправить девочку в тыл к немцам, как бедную Зою?! — воскликнула Тамара Изольдовна, провисшие щёки её тряслись от волнения.

— Мама, война давно кончилась, — Ольга выразительно посмотрела на мужа, ища в нём поддержки, но тот лишь смущённо кашлянул в кулак. — Сейчас наступили не лучшие времена, — отодвинув тарелку, сбивчиво продолжила она, уставившись на вензель с литерой «Н» на тонком фарфоре императорского завода. — Многие уезжают...

С достоинством вскинув подбородок, Тамара Изольдовна официальным тоном перебила дочь:

— Юрий Петрович, говорите лучше вы, — её пальцы уже распечатывали пачку «Беломора».

По выражению лиц родных Юля догадалась, что решается серьёзный вопрос.

— Тамара Изольдовна, — от волнения в голосе Юрия Петровича появилась лёгкая хрипотца, — у нас появилась возможность переехать в обновлённую Германию, — он нарочно выделил слово «обновлённая», зная отношение тёщи ко всему, что связано с той страной.

— К вашему сведению, эта возможность у меня появилась гораздо раньше, ещё в 41-м.

Можно было поселиться в «Дахау», — не моргнув глазом, парировала Тамара Изольдовна, — или хоть в образцово-показательном «Заксенхаузен» под Берлином. Может, слышали о таком заведении? — поджав синюшные губы, она смотрела на домашних ледяным, словно замёрзшая Нева, взглядом; скорбные, спускающиеся к подбородку морщины на её лице казались ещё глубже.

— Дело в том... — как-то неловко пытался возразить Юрий.

— Я знаю, в чём дело! — рявкнула Тамара Изольдовна. — Слышала, о чём шептались ночью. У евреев короткая память. Говорят, преступников тянет на место преступления. Но в нашем случае всё ещё хуже! Со временем евреев тянет к своим же палачам. Мы забыли те «Хрустальные ночи»! Как это называется? Хельсинкский синдром?

— Стокгольмский, — Юрий Петрович поправил тёщу.

Она раздражённо махнула рукой: мол, неважно — суть та же.

— Так вот, — в голосе Тамары Изольдовны звучали металлические нотки, — я многого не рассказывала из того, что пережила в годы блокады. Признаю, моё упущение. Но запомните: то, о чём я молчала, — это всё, что я знаю о Германии. И больше ничего не хочу о ней знать! — теперь её руки мелко дрожали, не давая поднести мундштук ко рту. Сделав наконец глубокую затяжку, она с вызовом посмотрела на дочь с зятем и объявила: — Я остаюсь жить здесь, в Ленинграде! — затем поднялась из-за стола и прошла к своей кровати.

Резко шоркнули по карнизу цветастые занавески. За ними расстроено сокрушались старые пружины односпалки.

Юле удалось ухватить суть перепалки за столом. Ей было жаль бабушку, она даже хотела подойти к ней и сказать что-нибудь хорошее, но в голову ничегошеньки не шло. И потом известие о Германии захватило её внимание.

Ольга Израилевна вывела Юлю в кухню для разговора. К счастью, там никого не было, и мама стала сбивчиво рассказывать ей про переезд за рубеж. Юлин слуховой аппарат остался лежать на столе, поэтому, придвинув ухо к маминым губам, она слушала о планах роди-

телей. Понимала не всё, а в голове тревожной волной почему-то сами по себе шумели ахматовские строки:

*Всё расхищено, предано, продано,
Чёрной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?*

1989

В апреле у Бергманов появилась надежда попасть в Германию по программе репатриации для евреев. Нужно было выяснить все детали, собрать кипу документов, пройти со-

беседование в консульстве... Конечно, переезд — дело хлопотное, к тому же долгое. Но не отступили — начали действовать.

Ну, правда, если подумать: что им делать в Ленинграде? Обречь себя на нищенское существование, чтобы жить «как все»? Зарплату и стипендию к тому времени уже задерживали. Чтобы удержаться на плаву, Ольге Израилевне и Юрию Петровичу, специалистам с высшим образованием, приходилось тайком от бабушки на Ульянке, у теплотрассы, продавать книги из личной библиотеки.

«С другой стороны, что ждёт их в другой стране? Как примут там?» — размышляла Юлия. Ненависти к немцам у неё не было, хотя со школы знала о зверствах фашистов во время Великой Отечественной войны. Но те ужасы никак не вязались с современной Германией. В конце концов, люди везде одинаковы. Какая разница, где видеть хмурые лица: здесь, на зыбких улицах Ленинграда, или в Германии? В глубине души Юлия опасалась переезда, но и хотела его, предвкушая, какую новизну это внесёт в её жизнь.

Тамара Изольдовна понимала, откуда дует ветер. Вся затея с переездом была очень в духе её дочери, это «наследственное» — от отца Израиля Ивановича.

Бывало так: взбредёт ему в голову какая-то идея, пока не накрутит окружающих — не отстанет, а сам потом отойдёт в сторонку и наблюдает, как дело движется. Если пошло-поехало, появились рьяные соратники — можно становиться во главе: есть чьи-то руками вершить; а если заглохло — значит, и самому нечего из шкуры вон лезть.

Обиднее Тамаре Изольдовне было не за дочь — с ней всё понятно, а за зятя. Он-то, человек разумный, да ещё сибиряк, — и туда же, на заграницный пряник позарился!..

На самом деле Ольга Израилевна и желала уехать, и боялась этого. Однако в разговорах с му-

жем намерение уже оформилось в план. Всё чаще в комнате звучало ставшее модным за последнее время слово «менталитет». В нём крылась какая-то угроза или, может, предупреждение...

— Предупреждение!.. — в очередной раз вскипел Юрий Петрович и с укором посмотрел на супругу. — Это твоё предубеждение, а не предупреждение! — он старался говорить вполголоса, чтобы не потревожить тещу, но иногда, забывшись, восклицал: — Все уехали! Кто куда! У нас работать некому — половину мастеров потеряли! Вон, Женька Рейш — классный сварщик, окончил курсы, получил ещё одну корочку бульдозериста и укатил на «историческую», как говорится. А сам ведь из Казахстана родом! Звонил недавно — в Турцию собирается на отдых! Во как! А я с двумя высшими на барахолку собираюсь, — он потряс в воздухе объёмным томиком, — чтобы на проезд хватило до работы и обратно!

— Тише! — зашипела на него Ольга. — Мама услышит!

— Юрий! — донеслось из-за занавесок. — Положите Жюля Верна на полку, это редкое издание. Оно пережило блокаду. Для проезда на работу вам достаточно снести Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». — Это «снести» прозвучало с оттенком презрения советского человека к слову «спекулянт» и всему, что связано с такого рода деятельностью. — «Золотой телёнок» — поучительное для нашего времени сочинение. Прежде чем продавать, рекомендую освежить в памяти некоторых персонажей, — из-за занавесок язвительно тянули ударные гласные, картавили «р».

— Она ещё и видит! — отец в сердцах хлопнул томиком по столу. Он прекрасно понял, на что намекала теща. — Вы же так любили тётю Хаю, особенно в те дни, когда она со своей базы таскала вам авоськами дефицит! — желчно выплеснул Юрий Петрович.

— О покойниках, Юрий, говорят либо хорошо, либо никак, — с нажимом отвечала Тамара Изольдовна. — А «таскала» тётя Хая, как вы иронично выразились, горячо любимые вами индийский чай «Три слона» и сырокопчёную колбасу, да Юленьке к Новому году — мандарины. Это апропо! И потом, Юрий, делала она это в силу болезненной привычки, приобретённой во время войны. В госпитале мы поддерживали друг друга, делились пайками — так и выжили. При

артобстреле её дом тоже стоял на неопасной стороне улицы — и это нужно понимать!

Не желая конфликтовать с тёщей, Юрий Петрович переменял тему и вновь обратился к жене: — Оленька, ты ведь сама хотела этого переезда! И теперь постоянно твердишь о каких-то предупреждениях! Раньше тебя ничего не пугало, — сокрушался он. — Ведь мы с таким трудом собрали целую гору бумаг... Может, тебя смущает опыт прадеда? Так он был фабрикантом и бежал от системы... — и, сам того не желая, Юрий Петрович задел тещу ещё глубже.

— Вы и это обсуждали?! — заведённая Тамара Изольдовна схватила за мундштук. — А я-то хотела напомнить строки...

Речь шла о чуде дошедшем до адресата письме из Боливии, которое в замерзающем блокадном Ленинграде перед смертью передала Тамаре Изольдовне её мать. Всего несколько раз за всю жизнь доставала она то письмо из тайника под полом. Крайний — после свадьбы дочери Ольги в 1966 году. «...Обложки ярких да фантиков сколько угодно. Только купившись однажды на пестроту иноземных картинок, понимаешь: обернули тебя в этот фантик, душу твою, — и не вырваться. Наверное, у кого-то выходит жить в душевной фольге. Но куда деть себя? Как уберечь от пустоты?» — писал лишившийся родины родственник — дед Тамары Изольдовны. А молодым Юрию и Ольге слышались в этих строчках отголоски «холодной войны» и диссидентство.

— Мы простые люди и уезжаем по обстоятельствам другого рода, — даже не повернувшись к теще, стоял на своём Юрий Петрович.

За его спиной протестно шоркнула кольцами по карнизу цветастая занавеска.

— Что случилось, ты передумала? — наклонившись к супруге, сидящей на диване, участливо спросил он, скрывая напряжённость.

Вместо этого из-за занавесок раздалось с укором:

— Она ждёт, когда умрёт её мать! И вы подождите, Юрий!

— Да ведь я не об этом! — Юрий Петрович еле сдержал себя, чтобы не перейти на крик. — Конечно, мы подождём! — вдруг осёкся, понимая, что невольно вырвалось то, о чём они с женой думали, но ни разу не проговаривали.

Юрий Петрович сразу как будто сник. Он не

знал, что сказать, чтобы смягчить ситуацию. У супруги навернулись слёзы.

За занавесками с минуту стояла мёртвая тишина.

— Спасибо, Юрий, — последовал хрипловатый ответ.

— Простите, — пробормотал он. Накинул в прихожей пальто, выбежал из квартиры, так и не взяв закланного «Золотого телёнка».

Плачущая Ольга кинулась к хлоплюющей носом Тамаре Изольдовне, прося у неё прощения, а та утешала:

— Не вини его, доченька, не со зла он. Это я, дура старая, его вынудила, — потом добавила: — А вы поезжайте, если хотите. Глядишь, и глухоту вылечите Юлину.

Юля слышала весь разговор и тоже не винила отца — знала, что он любит бабушку не меньше, чем она сама. Иначе как можно было все эти годы сносить её вспыльчивый характер? В большей степени Юля винила в этих ссорах себя, ведь она хотела уехать в Германию, — получается, этим приближала смерть бабушки. Как тут быть? Ей стало невыносимо стыдно и больно за эти два противоречивых чувства, уживающихся у неё внутри.

Чтобы отключиться от семейных передраг, Юля вынула из уха аппарат — хотелось побыть наедине со своими мыслями. Внутри её звучали строки Марины Цветаевой:

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня.*

Бабушки не стало в январе. Через пару часов после её смерти приехала труповозка, и она навсегда покинула стены коммуналки на 21-й линии Васильевского острова. Всего неделю Тамара Изольдовна не дожидая до праздника по случаю снятия блокады.

В тот скорбный для семьи день по телевизору сплошь шли развлекательные программы, перебиваемые новостями. Юля сидела перед экраном и переключала каналы — ей казалось, что в такой день нужно смотреть только балет. Ничего похожего и близко не было. Отчаяв-

1990

шись, она с силой потянула за провод, выдернув штепсель из розетки.

Юля зашла в бабушкин закуток и вынесла оттуда её метроном. Всунув в ухо слуховой аппарат, она завела прибор. В блокаду разные его ритмы помогали ленинградцам сориентироваться: ждать ли бомбёжку, артобстрел, отбой... В память о пережитом Тамара Изольдовна в день снятия блокады заводила метроном — в каждом ударе пульс выжившего Ленинграда. Теперь Юля слушала его звук — в нём билось сердце бабушки.

Со смертью Тамары Изольдовны дома всё переменялось. Стало непривычно тихо по вечерам. За столом большей частью молчали, каждый думал о своём, уткнувшись взглядом в тарелку.

Иногда Ольга Израилевна делала попытку разрушить эту тишину, спрашивая у мужа, что нового на работе или как поживает его друг Егорыч. Тот отвечал неохотно: мол, Егорыч уволился, пошёл в фирмачи, кооператив организовал, — а сам с тоской поглядывал на задёрнутые занавески, будто ждал, что сейчас услышит из-за них картавое «Юрий». Ольга Израилевна, поймав его взгляд, тяжело вздыхала, говорила, что до сорокового дня постель усопшего убирать нельзя.

Юля тоже изменилась. Стихи всё реже приходили к ней. Может, потому, что она горевала из-за смерти бабушки, а может, ещё и из-за курсов немецкого, которые она начала посещать. Чаше в голове у неё крутились чужеродные слова, которые она зубрила вечерами. Юля вспоминала бабушку и представляла, как, наверно, был ненавистен ей этот «вороний» язык. Чувство вины примешивалось к той гамме эмоций, которая лишала внутреннего покоя. Наверно, поэтому Юле так тяжело давался немецкий.

После сорокового дня бабушкину кровать вынесли из квартиры, сняли с карниза и цветастые занавески. В нужном месте, на уровне изголовья кровати, Юрий Петрович скovyрнул с пола паркет и достал из тайника Тамары Изольдовны поржавевшую жестяную банку от монпансье, в которой хранилось письмо от деда из Боливии, а ещё наволочку, наполовину наполненную сухарями.

— Когда успела засушить? — голос Юрия Петровича дрогнул.

Ольга Израилевна, сев на пол возле тайника,

долго плакала, прижимая к груди материну хлебную наволочку.

Полгода жили в трауре. Чёрное не носили, но сама атмосфера дома напоминала о невозможной утрате.

Одним июньским вечером Юрий Петрович вернулся с работы в приподнятом настроении. Глядя на жену хорошо знакомым ей взглядом «подпольщика», из сетки, вдетой в выцветший пакет с надписью «Мальборо», он вытащил шампанское, какое-то вино, коробку конфет, колбасу и маленький кусочек балыка, запах которого давно позабыли в этой квартире.

Ольга Израилевна удивлённо вскинула брови:

— Интересно, по какому поводу и на чьи деньги гуляем? — на её лице играла улыбка. Она смотрела то на уставленный деликатесами стол, то на мужа.

— По поводу увольнения из моей шараги... Гу-уляем... на выходное пособие! — браво ответил Юрий Петрович и расплылся от уха до уха.

Теперь Ольга заметила хмельной блеск в его глазах и слегка заплетающуюся речь. Всплеснув руками, она охнула, опустилась на стул, но не успела и слова вставить, как Юрий с важностью добавил:

— ...И по поводу моего назначения на должность заместителя директора ООО «Ленстройпотребсоюз»! — для пушей важности он поднял вверх палец, как это умела делать покойная Тамара Изольдовна, и кинул на стол, словно козырного туза в преферансе, визитную карточку со своими регалиями. — И опять-таки пьём на свои! — На этот раз на столе оказалась уже початая пачка трёхрублёвок. Она весомым аргументом шлёпнулась на стол.

Юля, отложив немецкий, подскочила к родителям:

— Пап, ты что, клад нашёл!

Ольга молчала и, ещё не веря в происходящее, блуждала взглядом по богатому столу.

— Клад, доченька, это мечта советского человека в условиях рыночной экономики, а я на работу устроился к Егорычу. Думал, не позвоёт в свою фирму. А он, видишь, — и отец приглашающим жестом указал на стол, — не загордился — позвал! Даже подъёмные дал!

Жизнь стала налаживаться. С первой отцовской

зарплаты Юле справили новую одежду. На полу в комнате появился пёстрый красивый палас.

В середине лета соседа по коммуналке дядю Гришу, дебошира и пропойцу, дети увезли к себе в Краснодар — комната за стенкой освободилась. Подсутившись где надо и даже приплатив, Юрий Петрович выхлопотал дополнительную жилплощадь и прорубил проём. Между комнатами появилась новенькая дверь с блестящими никелированными ручками. Юля получила собственное пространство — сразу перенесла туда всё самое нужное и любимое, а бабушкин метроном поставила на подоконник. К ней на дом стал ходить репетитор по немецкому языку.

На семейном совете решили, что Юле не помешает трудовой стаж. Поскольку с учебой проблем не было, она перевелась на заочное отделение и с сентября устроилась в маленькую фирму — будущего психолога приняли в отдел кадров.

— ...Может, и вправду, Олюшка, никуда не поедем? Вон как всё складывается, — с сомнением говорил Юрий Петрович в один из сентябрьских вечеров.

— Давай подождём ответа, — уклончиво ответила ему жена, — там и решим.

Бывают в жизни совпадения: только появились сомнения — ровно на следующий день в почтовом ящике Ольга Израилевна нашла письмо, в котором сообщалось, что семье разрешено приехать в Германию на ПМЖ. Раздумывать не стали, решение пришло само собой: надо переезжать. Юрий Петрович начал строить планы, как перевезти семью, какие дела завершить в Ленинграде, что наметить и прочее. В предвкушении новой жизни домашних захватило радостно-тревожное оживление.

И недели не прошло, как почтальон доставил очередное письмо — на этот раз из Новосибирска. Адресовано оно было Юрию Петровичу, отправителем значилась его старшая сестра Ирина.

Разъехавшись по разным городам, общались они нечасто. Юрий пару раз с семьёй приезжал к ним в Сибирь, да они разок в Ленинграде по надобности какой-то были — останавливались на ночлег. Обычно раз в году брат посылал весточку — коротко о своих делах, а больше интересовался здоровьем матери, которая жила с

Ириной. В этот раз сестра написала первой — жаловалась на безденежье и свои болячки. Сообщила, что ей нужно лечь в больницу, но маме нужен особый уход, а потому просила взять её на время в Ленинград. Юрий Петрович отпросился в фирме и при первой возможности вылетел в Новосибирск.

Бабушку Свету Юля помнила плохо: если бы не отец, в толпе её и не узнала бы. Выглядела она как обычная старуха, таких пруд пруди: сухонькая, сморщенная, спина — коромыслом.

Поселили её в комнате родителей. Пришлось купить новую кровать, а прежние цветастые занавески заняли привычное место, отгородив угол.

Дни потянулись своим чередом, вновь жили с бабушкой. Завтракали вместе, потом расходились на службу — начинался рабочий день. К вечеру обычно первой возвращалась домой Юля. Она готовила ужин на всю семью, потом садилась за учебники. Позже всех появлялся отец — бывало, совсем к ночи, так что иногда приходилось ужинать без него.

Как-то раз, увлечшись, Юля не заметила, что время перевалило за полночь, — нужно было укладываться спать. Отложив книги, она недоумённо поглядывала на дверь, — казалось, из комнаты родителей доносится какой-то неясный шум и тянет хлоркой. Юля надела слуховой аппарат и открыла дверь — в нос шибануло вонью, как в туалете.

Посреди комнаты, прямо на новом паласе, лежали фекалии. Обрывками смятой газеты отец пытался собрать их в мусорное ведро. Мама ползала рядом, щёткой с мыльной пеной она замывала оставшиеся от испражнений пятна. Рядом понуро стояла голая баба Света.

— Я нечаянно, Юрасик! Не добежала! Забыла, где тут у вас туалет, — плаксиво жаловалась она.

В этих стенах обращение «Юрасик» прозвучало непривычно, даже как-то диковато, — здесь никто так Юрия Петровича не называл.

У самого порога, распространяя зловоние, лежала испачканная ночная рубашка. Запахнув халатик, Юля нагнулась, подхватила её и понесла в душевую.

Услышав хождение в коридоре, из своей комнаты вынырнул любопытный Стёпик и последовал за Юлей. Когда за ней закрылась дверь душе-

вой, он привычно прилип к замочной скважине. А соседка, щедро сыпанув в таз с водой порошка, выстирала ночнушку, хорошенько прополоскала, отжала что было сил. Так с тазом в руках она и пнула ногой дверь. А нерасторопный Стёпик, получив по голове, грохнулся на пол, задев стоящее тут же металлическое ведро. Юля, не обращая на него внимания, прошла в кухню и повесила бабушкину сорочку сушиться на веревку, выделенную их семье. Под ней оставила таз, чтобы стекала вода.

Когда Юля вернулась в комнату родителей, мама подняла на неё безнадёжный взгляд.

— Спасибо, доченька... помощница, — Ольга Израилевна выглядела расстроенной. — Что за шум в коридоре стоял?

— Это я Стёпика дверью огрела, — растерянно улыбнувшись, ответила Юля.

Баба Света к тому времени скрылась у себя в углу. Предстояло и её вести в душевую.

Бросив взгляд на задёрнутые занавески, Ольга Израилевна тихонько сказала мужу:

— Юра, надо что-то делать.

— А что тут сделаешь? Возраст у Стёпки такой. Перерастёт и перестанет к скважинам прилипать, — муж не понял намёка.

— Я не об этом! — Ольга Израилевна с укоризной кивнула в сторону занавесок.

Отец неопределённо пожал плечами:

— Горшок надо покупать — вот что. Давай ложиться, мне завтра ни свет ни заря вставать.

На следующий день отец отвёз палас в химчистку, а вечером у бабкиной кровати стоял горшок.

И тем не менее через два дня та ночная история повторилась по прежнему сценарию. Становилось понятно, что это не случайность. Пришлось Юрию отпрашиваться с работы, чтобы вести мать в поликлинику. К счастью, в сумке с личными вещами бабы Светы, которую сестра всучила в аэропорту, оказалась медицинская карта.

Доктор долго изучал её наполнение, вчитывался в записи, зачем-то подозрительно рассматривал складки переплёта. С диагнозом определился быстро: старческая деменция.

— Болезнь прогрессирует. И дальше состояние вашей мамы будет только ухудшаться, Юрий Петрович, — пожилой доктор немного картавил,

как покойная Тамара Изольдовна. — Такая больная всегда должна быть под присмотром. У вас есть возможность ухаживать за ней или нанять сиделку? — в голосе врача слышалось сочувствие.

Юрий Петрович недоумённо покачал головой.

— А домашние? — подсказывал доктор. — Может, родственники?

Юрий Петрович отрицательно мотнул головой, потом спохватился:

— Хотя сестра в Новосибирске живёт...

Доктор ещё раз заглянул в карточку, посмотрел штемпели поликлиник.

— Вы, я полагаю, маму привезли из Новосибирска, где она жила с дочерью, то есть с вашей сестрой?

— Да, а что? — Юрий Петрович начал догадываться, к чему клонит врач.

— Мне кажется, ваша сестра знала о диагнозе мамы. Вот здесь, — доктор с силой на излом разогнул прошитые смежные листы медкарты, — видите, кто-то вырвал страницы. Может, я и ошибаюсь...

По интонации было понятно, что ни в чём он не сомневается: сестра, зная о болезни матери и всех последствиях, спихнула её к брату. Ясное дело: обратно забирать не планирует.

Состояние бабы Светы ухудшалось, но о сиделке не могло быть и речи. Дела у отца на новой работе теперь шли не очень. Совсем недавно ещё приличный заработок главы семьи урезали, а Ольга Израилевна с Юлей получали сущие копейки — и те с задержкой. Талонная система добралась до Ленинграда. О курсах немецкого пришлось забыть — не до того, и так едва сводили концы с концами, а тут ещё баба Света...

Юрий Петрович вынужден был часто просить отгулы у своего начальника Егорыча. Отношения между ними испортились. Юрия уже не отпускали с работы — вплоть до увольнения.

Совсем скоро и Ольга Израилевна исчерпала свой лимит отгулов. Никакие уговоры, посулы, справки о болезни свекрови начальство не интересовали. В самом деле, должен же кто-то работать!

Оставалась Юля. На семейном совете решили, что бросить работу ради ухода за бабушкой — это не выход для молодой девушки. Надо думать о будущем. Да и кто пожелает такого сво-

ему ребёнку: с утра до вечера выносить горшки, подтирать следы кала?

Дом стал не мил Бергманам, вечерами они возвращались на 21-ю линию с тяжёлым сердцем, утром спешили поскорее уйти.

Бабу Свету оставляли дома одну. Теперь следы испражнений были повсюду. За день она успевала измазать пол, стены, не говоря уже об утратившей былой блеск никелированной ручке на двери, ведущей в Юлину комнату.

Придя с работы, Юлия первым делом принималась за уборку, иначе находиться в комнате было невозможно. Она отмывала всё, что за день загадила бабка, иногда даже не оставалось времени приготовить ужин к возвращению родителей. Но стоило повесить тряпки сушиться, та умудрялась уделить только что вымытое. В эти минуты Юлия ненавидела бабу Свету лютой ненавистью. Ну, не нарочно же она пакостит?!

Выдержав месяц, Юрий Петрович заказал на главпочтамте переговоры с Новосибирском. Напрасно прождал абонента два часа — никто не пришёл. Он слал телеграммы, писал сестре письма — всё тщетно.

Обстоятельства зажимали со всех сторон, и Юрий замыкался в себе. Дома всё чаще возникали ссоры с женой. В такие дни Юлия закрывалась в своей комнате, вынимала слуховой аппарат, взводила эбонитовой ручкой пружину метронома и наблюдала, как раскачивается стрелка с противовесом. Сначала она выставляла противовес в самом низу, чтобы она ходила быстро-быстро, постепенно поднимала его выше, до самого верха, — тогда стрелка медленно катила по дуге, — это успокаивало.

Поначалу, с осени памятного девяностого, на работе, в небольшой торговой фирме, у Юли всё складывалось как нельзя лучше. Она была единственной подчинённой у начальницы отдела кадров Аллы.

Антон Сергеевич, патрон, «папа», как за спиной его называли, хоть и мог устроить разнос менеджерам по закупкам или поставкам, но в отдел кадров всегда приходил в отличном настроении. Он был на удивление обходителен с молоденькой и неопытной сотрудницей, иногда лично объяснял Юле тонкости кадрового дела.

— Ну, как поживает мой кадровый резерв,

Аллочка? — с порога спрашивал Антон Сергеевич, подмигивая Юле.

— Во! — расплывалась в улыбке начальница отдела и поднимала большой палец вверх.

Ещё совсем недавно Юлия была убеждена, что после двадцати пяти женщина вступает в закатный период своей жизни — к этому времени, нарожав кучу детей и утратив былую прелесть, она превращается в бабу, и ничего ей больше не остаётся, кроме как с тоской смотреть в зеркало.

Аллочке было двадцать восемь, и она казалась Юле эталоном стиля и красоты. Стройная, подтянутая начальница всегда притягивала взгляды мужчин. Даже Юлия невольно любовалась её стройными ногами, светлыми волосами, аккуратно собранными на затылке в пучок, свежим лицом с макияжем.

С появлением в их отделе патрона работа на время прекращалась. Сверкая ножками в чёрном капроне, Аллочка шла в уборную за водой — надо было по-быстрому организовать чай. На столе появлялся китайский сервиз, слишком нарядный для офисных чаепитий. Антон Сергеевич всегда приносил угощение — чаще сладости, обязательно — фирменные.

Так за болтовнёй с чашкой чаю начальник исподволь выводил офисные сплетни, а взамен делился с «девочками» «коммерческими тайнами», о которых все в фирме давно знали. Когда Аллочка, собрав посуду, шла сполоснуть её в раковине, Антон Сергеевич галантно раскланивался и, подмигнув Юле, уходил по своим делам. Так длилось месяца четыре — не больше...

1991

После новогодних праздников отношение Антона Сергеевича к Юле стало меняться — он стал покрикивать, давал задания, к её обязанностям не относящиеся. Зная, что у неё дома больная бабушка, к концу дня нарочно нагружал несрочными поручениями. Но Аллочке, как казалось Юле, приходилось ещё сложнее. Иногда шеф немедленно приглашал её к себе в кабинет для отчётности. Возвращалась она оттуда усталая, немного подавленная и со смазанной помадой.

На другой день, будто сменив гнев на милость, Антон Сергеевич заглядывал в отдел кадров, бол-

тал с «девочками» о пустяках, а порой на глазах всех сотрудников поощрял премией в конверте или фирменной ручкой. Он вновь подмигивал Юле, предупредительно поддерживал за локоть, когда она разливала чай, говорил мягко, обволакивающе. А потом снова налетит грозовой тучей, слов обидных наговорит.

Юля не понимала такой метаморфозы патрона, как-то после очередного разноса не выдержала.

— Ну почему он так? За что? — сдерживая плач, чтобы не услышали в соседнем кабинете, спрашивала она у Аллы.

— Сама виновата, дурёха, — многозначительно улыбалась начальница.

От удивления и возмущения у Юли моментально высохли слёзы:

— Как?! Я же справляюсь с работой! Сама говоришь, что я молодец.

— «Папа» ухаживает за тобой, знаки подаёт, а ты, глупенькая, не понимаешь, — сказав это, Алла вышла из кабинета, оставив оторопелую Юлю одну.

Сначала та не поверила в слова начальницы, а потом испугалась. Конечно, она понимала, что может нравиться мужчинам. Ну ещё бы! Всё при ней: симпатичное лицо, высокая грудь, узкая талия, округлые бёдра. Вот только Юля шарахалась от парней, стоило кому-то нарисоваться на горизонте. Она боялась, что «изъян», спрятанный под тяжёлыми каштановыми локонами, отпугнёт кавалера. Уж лучше совсем ни с кем не встречаться, чтобы потом не разочаровываться, казалось ей. И как вести себя с Антоном Сергеевичем, если всё-таки Алла права?..

«Папе» было уже хорошо за сорок. Грузный, толстощёкий, с глубокими лобными залысинами и комичным пучком волос на макушке, он никак не походил на того, о ком втайне мечтала Юля. К тому же у Антона Сергеевича была семья: жена и дочь — почти Юлина ровесница. Она чувствовала, что положение, в котором оказалась, может представлять для неё опасность. Надо было что-то придумать, чтобы уберечь себя.

Переваривая ситуацию, Юля впала в задумчивость, оттого не услышала, как дверь в кабинет открылась. На пороге возник Антон Сергеевич.

— Чего спим? — язвительно спросил он. — Почему не работаем?

Его глаза полыхали тёмным пламенем, цепким взглядом он словно ощупывал Юлину фигуру. Ей хотелось вскочить и убежать — только бы не чувствовать на себе этих глаз. Словно под гипнозом она смотрела на его лицо в пунцовых пятнах. Страх не давал шелохнуться, он оглушил Юлю — так случилось, когда слуховой аппарат выходил из строя.

Искривленный гневом рот плевался обидными словами. Будто сквозь рёв бушующего моря она считывала с его губ:

— В ларьке вонючем твоё место... рыбой тухлой... совсем дура...

Юля впала в ступор — застыла, словно неживая. Казалось, это распаяло Антона Сергеевича ещё больше — он перешёл на крик.

В тот момент в кабинет впорхнула молоденькая девушка, примерно такого же возраста, что и Юля. На ней были укороченная норковая шубка, модные замшевые ботфорты.

— Папуль, ну скоро ты?! — не обращая ни на кого внимания, плаксиво протянула она, стоя у порога. — Мы с мамулей устали ждать, — она надула накрашенные губки и нетерпеливо потарабанила наманикюренными пальчиками по дверной коробке.

Антон Сергеевич осёкся на полуслове, кашлянул в кулак, собираясь с мыслями.

— Наш разговор не окончен! — по-отечески строго, но уже без прежнего запала сказал он Юле и вышел из отдела кадров вслед за дочкой.

Почти сразу в кабинет вернулась ухмыляющаяся Аллочка. Она делала вид, что ничего не слышала, но Юля, заметив выражение её лица, заподозрила, что всё это время начальница стояла под дверью. Скорее всего, и коллеги уже в курсе...

Отойдя от шока, Юля кое-как дотянула до конца рабочего дня. Надо бы уносить оттуда ноги, но ей было стыдно идти через весь офис под любопытными и насмешливыми взглядами. Она решила уйти последней.

Алла в тот день тоже засиживалась допоздна, делая вид, что у неё много работы. Когда помещение фирмы почти опустело, «папа» вызвал её к себе.

— Не уходи без меня, — шепнула начальница Юле и выбежала из кабинета.

Минут через двадцать Аллочка вернулась в отдел кадров с ворохом бумаг.

— Вот смотри, работы тебе подкинул, — деланно возмущалась она. — Сказал, чтобы ты срочно с этими папками разобралась. Злой как чёрт, — Алла положила документы перед Юлей.

Несмотря на то что рабочий день уже кончился, той пришлось сразу взяться за дело, чтобы снова не навлечь на себя гнев патрона.

С головой уйдя в работу, Юля и не заметила, как к ней подошла Аллочка. Сдвинув папки, она присела на край стола, выставив из-под короткой юбки ножки в глянцевого капроне. Сначала помалкивала, будто не зная, с чего начать, наблюдала за Юлей.

— Ой, да брось ты мучиться! — начальница беспечно махнула рукой. — Закинь свои бумаги, — и, участливо вздохнув, доверительно добавила: — Понимаешь, он бесится, потому что запал на тебя. Покажи ему, что ты не против... И все проблемы для тебя кончатся.

— Так ведь он женат, дочка у него! — приглушенно, почти шёпотом, воскликнула Юля. — И потом... возраст!.. Ему ж за сорок! — попридержав эмоции, искоса взглянула на дверь и соврала: — Хотя он довольно симпатичный...

— Вот и думай об этом! — как-то недобро хихикнула Алла. — А семья здесь ни при чём. Надо свою жизнь налаживать! Тебе самой всё в руки идёт! Завидую тебе, подруга.

Юля слушала Аллочку, но не верила ей. Неужели начальница пытается по-дружески помочь — как говорится, из лучших побуждений? Но её слова не успокаивали, а ещё больше настораживали Юлю: никак они не вязались с цепким холодным взглядом, ироничной усмешкой на ярких губах.

— Я бы такого мужика не упустила, — Аллочка доверительно заглянула Юле в глаза. — Но мне скоро тридцатник, а «папе» молоденькие нравятся. Ну, в крайнем случае, — теперь начальница шептала, — если замуж за него не хочешь, дай ему разок — и он отвалит. Глядишь, ещё и премию выпишет, — в этом шёпоте Юле слышался змеиный присвист.

Аллочка перешла к своему столу, достала из сумки косметичку и, глядя в маленькое зеркальце, карандашом стала подправлять смазанный после визита к Антону Сергеевичу контур губ с алой помадой.

Юля оторвала взгляд от бумаг, посмотрела

на начальницу: та показалась ей отталкивающей, почти уродливой.

Алла поймала этот взгляд. Выгнув дугой тоненькую подкрашенную бровь, она оценивающе пялилась на подчинённую.

— Ну и тупая же ты, Юленька, — с наигранным сочувствием сказала она. — Говорю тебе, дурёхе, он любит сзади!

От таких откровений Юлю передёрнуло. Наверно, на лице её мелькнуло отвращение, в ответ на которое Аллочка хмыкнула:

— Тоже мне девочка нашлась! А хочешь, вместе зайдём к нему, — металлический смех резанул Юлин слух. Резко оборвав себя, Алла деловито объявила: — Ну, пока, кадровый резерв! Удачи с «папой»! — и походкой модели подошла к стойке вешалки.

Модное укороченное пальто легко скользнуло ей на плечи. Не оборачиваясь, Алла вышла из отдела кадров. Сапоги на высоких каблуках отстучали путь до выхода, хлопнула уличная дверь.

Будто дожидаясь того самого звука, Антон Сергеевич возник на пороге отдела кадров. На лице его играла улыбка чеширского кота. В одной руке он держал два бокала, в другой — уже откупоренную бутылку вина.

— Как поживает наш кадровый резерв? Юленька, я с извинениями.

Поставив бокалы на стол Аллы, патрон стал наполнять их вином, поглядывая на Юлю:

— Сегодня выдался непростой день. Ты уж не держи зла на меня. Давай мириться.

Сердце Юли колотилось от страха, заглушая звуки извне. Ей казалось, что она совсем оглохла. С первого раза разобрать слов босса не смогла, и тогда спасительная, как ей казалось, идея пришла в голову.

— Что?! — откинув прядь с уха, Юля подсунула слуховой аппарат прямо ему под нос.

— Бедная девочка! — мигом оценив ситуацию, Антон Сергеевич поставил перед ней бокал с вином и провёл кончиками пальцев по миниатюрному девичьему уху.

Юля отдернула голову. Её приём не сработал — близость тела только ещё больше распяляла его. В панике она схватила первую попавшуюся папку с документами со стола.

— Я же говорю: давай мириться, — почти ласко-

во говорил шеф. — А бумаги эти — все до единой! — я завтра же отдам Алке. Хочешь?

Юля помотала головой и, защищаясь, сильнее прижала папку к груди. Офис пустой — кричи не кричи.

— Всё может измениться, глупышка... если ты захочешь, конечно, — Антон Сергеевич придвинулся к Юле. — Хочешь, в Москву слетаем? Хоть завтра. Билеты достану в Большой. На «Лебединое озеро» хочешь? — он сделал глоток вина и ещё ближе придвинулся к Юле.

Она чувствовала запах курева вперемешку с винными парами, паника накатывала, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Антон Сергеевич с вождением продолжал:

— Ты сама как лебёдушка... Ну так что, поехали, а?

Юля молчала, от страха не в силах вымолвить и слово, её грудь высоко вздымалась в такт сбивчивому дыханию.

Антон Сергеевич принял молчание за положительный ответ и провёл пальцем по её щеке:

— Значит, идём на балет, лебёдушка моя?

— Кто-то умер, папа?! — во всё горло крикнула Юля ему в лицо. Так громогласно на школьной линейке командовал директор — бывший военный.

Подвыпивший Антон Сергеевич резко отпрянул, чуть не растянувшись на полу, он устоял на ногах, выронив бокал. Винная лужа растеклась по Юлиному столу, испачкав не только лежащие на столе бумаги, но и рукав её блузы.

— Ты чего?! Кто умер-то? — обалдевший от такого развития событий, босс только хлопал белёсыми ресницами, ничего не понимая.

Юля уже догадалась: она на верном пути. Только открыла рот, чтобы отрапортовать, что балет смотрят, когда кто-нибудь умирает, как Антон Сергеевич скомандовал:

— Заткнись! Иди домой, дура! У тебя ещё есть время подумать до завтра. Вот же дрянь... всё желание отбила!..

Осмотрев брюки, он смахнул со штанины капли вина. А Юля спешно накинула куртку и выскочила на улицу. Вслед ей летела брань Антона Сергеевича.

Девушка со всех ног неслась домой. Давясь слезами от страха и обиды, она бежала по набережному и мостовым Ленинграда — подаль-

ше от этого омерзительного места. Постояла у своей парадной, не решаясь сразу подняться в квартиру. Сказать ли родителям? Должны ли они знать? В конце концов, умирив эмоции, решила лишнего на мать с отцом не сваливать — сейчас хватает проблем.

Родители всю хлопотали вокруг бабы Светы: отец замывал на паласе вонючие следы, мама сопровождала свекровь в душевую — им было не до Юли, припозднившейся с работы.

Ужинали молча, а после Юля умылась и юркнула в свою комнату, первым делом завела метроном — успокоиться. Думала, что дальше. Если уволиться, то как это объяснить родителям, не вдаваясь в мерзкие подробности? Время для семьи тяжёлое... Вдруг они её не поймут? Всё равно нужна работа — жить как-то надо. Понятно, что по специальности без диплома никто не возьмёт. И вообще, кругом безработица. Куда теперь? Разве что, и правда, рыбой торговать... А ей хотелось психологическую практику пройти в фирме. Решение не находилось, и под умиротворяющий звук метронома Юля сама не заметила, как уснула.

На следующий день обстановка в офисе была самая обычная, будто ничего не произошло. Да и что случилось? В общем-то, ничего. Вряд ли патрон стал бы распространяться насчёт своих вчерашних приключений. О происшествии напоминала лишь мятая физиономия «папы» да засохший след от вина на Юлином рабочем столе.

Через секретаршу Антон Сергеевич передал Юле ещё одну стопку документов, которые нужно было обработать. А ближе к обеду он с Аллочкой укатил в аэропорт. На этом всё! Юле и самой не верилось, что легко отделалась. Ну разве что со следующего месяца немного урезал ей зарплату как «неопытному работнику».

Зато Аллочка светилась от счастья, частенько навещала к патрону в кабинет, задерживалась допоздна. Болтать с Юлей им было особенно не о чем, ограничивались рабочими делами. Да, собственно, и это было само по себе просто замечательно — так считала сама Юля.

Прошло около полугода с тех пор, как баба Света переехала в Ленинград к сыну. Юрий

Петрович уже давно не пытался связаться с сестрой — бесполезно. Она не хотела ничего знать о матери.

На семейном совете было решено: Германия подождёт — всё равно деваться некуда. Когда Бергманы смирились, что выезд на ПМЖ откладывается, атмосфера дома улучшилась. Действительно, так было правильнее для всех. Ну, невозможно каждый день проклинать бабушку и ждать её смерти, не чувствуя за собой страшной вины перед родным человеком. Решили просто жить. Ко всему привыкаешь, к болезни близкого в том числе. Каждый занимался своим делом, а за бабой Светой ухаживали по очереди — у кого есть время.

Юля по-прежнему работала в отделе кадров, сдавала зачеты и экзамены в институте, зубрила немецкий, а ещё выучилась играть в преферанс. Теперь по выходным, когда семья собиралась за столом, копируя незабвенную Тамару Изольдовну, она повторяла: «Что-то мне подсказывает, я сегодня выиграю!»

Баба Света бессвязно мычала в кресле. Она была плоха — говорить уже не могла. К тому времени оставлять её без присмотра было опасно: могла не только попортить вещи в доме, но и — самое страшное — навредить себе.

Пришлось что-то придумывать. Юрий Петрович стал искать способ привязывать маму — так, чтобы она не падала на пол и не слонялась по комнате. Верёвкой он крепил её к спинке кресла, а другую пропускал между ног и накрепко увязывал концы. Подобрал более-менее удобный вариант фиксирования, сообразил подделать и сиденье: снял с него мягкую набивку, вырезал дыру, а вниз поставил ведро. Получился такой передвижной туалет. Но даже в этом положении бабушка умудрялась перемещаться по комнате, елозя ножками кресла по полу.

Смотреть на эти её потуги было больно, и целая гамма чувств — от жалости до брезгливости — накатывала на близких. Иногда им казалось, что бабушка хочет что-то сказать... Или, может, болезнь совершенно лишила её рассудка, а догадки эти — лишь выдумки любящих людей?

Однажды Ольга Израилевна застала свекровь у стены, на которой висел красивый восточный ковёр. Баба Света мычала недоуной тёлкой, натягивая жилы под обвисшей кожей шеи, и рвала

плотный, обмётанный крепкой нитью край!

— Надо же, сколько силы у неё в руках! — удивлялся Юрий Петрович, вернувшись вечером с работы.

А Ольга Израилевна, утирая слёзы, гладила притихшую бабу Свету по выбеленной голове, в те минуты по изрытому морщинами лицу блуждала улыбка неразумного ребёнка.

На следующий день Юрий Петрович где-то добыл деревянные щиты и отгородил ими часть комнаты, получилось подобие загона. Там и пребывала баба Света, пока семья была на работе. Терять нечего — комната родителей и так напоминала хлев.

Совсем скоро, ближе к весне, бабушки Светы не стало. Юле казалось, — нет, она была уверена, — что с её смертью все вздохнули с облегчением. Конечно, горевала она и по бабе Свете, но не так остро, как по Тамаре Изольдовне, рядом с которой выросла. К тому же теперь это была светлая печаль: отмучилась, а вместе с ней отмучились и домашние.

Ирина, сестра Юрия Петровича, на похороны из Новосибирска не приехала — отделалась телеграммой.

В апреле в Ленинград стремительно ворвалась весна. Ветер со стороны Финского залива гулял по улицам, залитым весенним солнцем. После череды серых дней это само по себе было как подарок. Казалось, в самой атмосфере обновлённого весенним светом города появилось что-то новое — незримое, но значимое.

Тёмная Нева несла свои воды вдоль набережной лейтенанта Шмидта. Юля неторопливо шла вслед за течением, украдкой вглядывалась в лица прохожих — сонные, мечтательные, озабоченные, улыбающиеся, — лица родного города.

Время выдалось тяжёлое для Бергманов. Болезнь бабушки, похороны, подготовка к переезду... Юля тоже была вымотана до предела. А ведь четвёртый курс — надо было сдавать летнюю сессию, защищать курсовую... Обсудив это с родителями, решила просить разрешения перенести экзамены на осень. В деканате вошли в положение — согласовали перенос. Юле можно было ненадолго выдохнуть.

Той весной к ней вернулась музыка поэзии — внезапно, словно окатило тёплым проливным

требовало от Юли колоссального напряжения: сложно было разграничивать похожие звуки — и на слух, и по губам. Ей приходилось настолько концентрировать внимание, что начиналась мучительная мигрень. О том, чтобы думать на чужом языке, Юля и пометать не могла.

Проводив преподавателя, она каждый раз заводи́ла метроном — надо было привести себя в чувство. Вымученная немецким и головной болью, всё чаще вспоминала слова бабы Томи: «Не хочу знать, где на карте находится Германия!» В такие моменты Юля была полностью с ней солидарна.

Стояло лето. Уже и сезон белых ночей кончился.

В Ленинград летели письма. В основном писала мама. Юля узнавала её руку по ровным каллиграфическим строчкам, в конце что-то приписывал отец — коротко, размашисто. Родители сообщали, что неплохо устроились в Германии. Временно их поселили в отдельной квартире, обставленной новой мебелью. Собственные душ, туалет и кухня — жильцу коммуналки о таком только мечтать! Кухня, кстати, была основательно оборудована — вплоть до столовых приборов и бытовой техники. Так что добрая половина вещей, привезённых из Советского Союза, там не пригодилась.

Ольга Израилевна писала, что живут они пока изолированно — в так сказать «карантинной зоне» вместе с такими же переселенцами из СССР. Отец признавался: «Мама тебе такого не скажет, но мы скучаем по коммуналке, по воде из-под крана. Представляешь, здесь питьевая вода продаётся, из крана пить не принято. Мы получаем пособие — для комфортной жизни достаточно. Но здесь за всё надо платить!»

Мама поинтересовалась, как поживают соседи, намекнула, что Стёпка давно не мальчик и Юля — взрослая, так что как бы чего не вышло... И тут же деликатно добавила, что беременных в Германию берут неохотно и у неё есть на примете жених из порядочной семьи.

Когда Юля читала про Стёпу, расхохоталась. Да, он в последнее время заметно вытянулся, окреп, начал бриться — одним словом, возмужал. Но как потенциального кавалера она его совсем не воспринимала, маме не о чем беспокоиться.

Юля по-прежнему работала в офисе у Антона Сергеевича. Правда, коллеги считали Бергман замкнутой и нелюдимой, а патрон — немного чокнутой. Впрочем, такой вариант её очень даже устраивал, она избегала сближаться с кем-то в фирме. И без «ненужных связей, дружб ненужных» дел у неё было предостаточно. Придя домой, ужинала, садилась к письменному столу и занималась учёбой до самой ночи.

В последних числах августа Юля вынужденно обратилась к Антону Сергеевичу: в институте ей нужно было сдать перенесённую летнюю сессию, к тому же на заочном близилась установочная, плюс ещё и спецсеминар по диплому — начинался пятый курс.

Заходить в кабинет к любвеобильному «папе» очень не хотелось — вдруг пришлось бы остаться с ним наедине? Антон Сергеевич с того памятного вечера переключился на Аллочку и остыл к Юле, но та всё равно остерегалась его. Потому и выжидала, что он зайдёт в отдел кадров и тогда она сможет подsunуть ему заявление.

Наконец «папа» появился в их кабинете. Юля протянула бумагу.

— Что это? — холодно поинтересовался он.

— Это... — от волнения у Юли запершило в горле, она запнулась, откашлялась. — У меня скоро сессия... Это заявление на отпуск.

Антон Сергеевич недобро взглянул на Юлю. Заметив страх в её глазах, он как будто наслаждался им. Присел на край стола.

— Кстати, Бергман, хотел спросить: ты за ГКЧП или против? — сказал патрон.

— Что? — не поняла вопроса Юля. С её слухом разобрать эти аббревиатуры было непросто.

— Только не ори, что кто-то умер. Видел я — по телику показывали балет, — издевался Антон Сергеевич. — Ты мне ответь: евреи поддерживают ГКЧП или они согласны с расстрелом Белого дома? — «Папа» усмехнулся, видя, как напряжённо Юля ловит каждое движение его губ. — От твоего ответа, между прочим, зависит, подпишу я эту бумагу или нет, — он потряс заявлением перед Юлиным лицом.

Аллочка, слышавшая разговор, довольно гоготнула.

— Я ничего не знаю про это Г... Г... ЧП, — тихо ответила Юля и не солгала.

После отъезда родителей она перестала смот-

реть телевизор, а выписанные отцом газеты, которые до сих пор приходили в почтовый ящик, не читая, аккуратно увязывала в стопки по пионерской привычке, чтобы при случае сдать в пункт приёма макулатуры.

— Она опять прикидывается, Антон Сергеевич, — подсказывала шефу Аллочка. — Её родители давно собираются в Германию переехать. И в институт она пошла только из-за этого.

— Так что, Бергман? Значит, евреи за расстрел? — Юля молчала. — Я так и думал! — патрон скривил кислую мину, отчего лицо его стало напоминать свиное рыло. — Так вот знай: наше образование за бугром недействительно, — он встал и с заявлением в руках направился к двери, напоследок обернулся и с омерзительной улыбкой лениво бросил: — Надоело мне нянчиться с тобой. Пиши «по собственному», — он скомкал лист и метнул бумажный шарик в корзину с мусором.

Осень хозяйничала на улицах Ленинграда. Налетевший с залива ветер срывал с тополей пожухлую листву.

В институте все долги с лета Юля сдала, выдержала установочную сессию, но осталась без работы. Той суммы, которую удалось скопить к увольнению, хватило ненадолго, хоть сэкономила на всём. Отложенное на жизнь таяло, а время шло — так что таяла и надежда обрести хоть какой-нибудь приработок. Признаться родителям и попросить у них денег Юля не решалась.

Весточки из Германии приходили часто. Почти в каждом письме мама писала о погоде, о мягком климате, который ей, Юле, непременно понравится. Ещё Ольга Израилевна в немецких клиниках навела справки о лечении глухоты, в их случае шансов на восстановление слуха не было. «Но это ничего, Юленька, — утешала мама, — зато здесь, в Германии, очень хорошие слуховые аппараты, и главное — такие аккуратные, почти незаметные. Учи, детка, немецкий. Без знания языка здесь плохо», — заканчивала она письмо.

В следующий раз мама сообщала, что встретила Людмилу Исааковну, бывшую соседку с третьего этажа. Та рассказывала, что окончила в Германии то ли курсы, то ли школу — вроде советской вечерней, где помогают адаптироваться приехавшим на ПМЖ, что ей пришлось полу-

чить другую специальность. «Исааковна сказала, что это заведение для русских безработных и немецких неудачников. Я тоже там буду учиться на мастера по маникюру. Здесь, и правда, много русских», — писала мама. Отец перестал дополнять мамины письма, и Юля догадывалась, что сказать ему особенно нечего.

Она понимала, что родителям непросто на чужой земле и ей нужно самой выкарабкаться, — всё-таки в Ленинграде все говорят по-русски, значит, здесь у неё шансов больше.

В октябре Юле Бергман удалось устроиться продавцом в ларёк. На самом деле это был не ларёк, а угол вестибюля парикмахерской, отгороженный массивной решёткой с окошком для выдачи товара — типа клетки.

— Будешь работать в ночные смены, пока без выходных. Но я ишу тебе напарника, — в первый вечер заверил владелец торговой точки Асхат — худощавый, болезненный на вид парень. — Никого не бойся. Пристанет кто — скажи, что работаешь под Солдатом, — он цыкнул слюной себе под ноги, придирчиво оглядел Юлю, будто оценивая. — И ещё, если спросят ключи от зала, дай. Связка в верхнем ящике стола, — он показал Юле товар в коробках и укатил на вишнёвой «девятке».

Ближе к полуночи в парикмахерскую ввалилась гурьба бритоголовых молодчиков в спортивных костюмах. От компании подвыпивших братков отделился невысокий парень. На его груди в расстёгнутом вороте олимпийки красовалась татуированная луковка-купол с крестом, тянувшимся вверх по шее. Поверх синюшного креста свисала тяжёлая золотая цепь. Нетвёрдой походкой тот подошёл к решётке и, схватившись за прутья, приблизил лицо к окошку, за которым, едва дыша, сидела Юля.

— Э, Сирога, атайди ат ришотка — плахая примета! — окликнул кто-то с явным кавказским акцентом.

Послышались смешки. Не отрывая мутного взгляда от нахохлившейся Юли, тот лишь махнул дружкам, мол, заткнитесь, и, улыбнувшись гнилым ртом, соорудил на чисто выбритом лице самую любезность:

— Девушка! — в компании снова прыснули. — Нам нужен ключ.

— Какой ключ? — Юля перепугалась так, что забыла обо всём на свете.

— Она тебе не Буратино, чтобы ключи давать! — заржали братки.

— Слышь, овца, по-твоему, это смешно?! — улыбка сползла с лица Серёги. Глаза стали неживыми — будто оловянными.

У Юли внутри похолодело. Не сводя глаз с бритого, она достала ключ из ящика стола и просунула его в окошко.

В зале, развалившись в парикмахерских креслах, бандиты распивали привезённую с собой водку, громко ржали, материли какого-то строптивого барыгу и хвастались друг перед другом очередным налётом. После полуночи они купили у Юли ещё ящик водки, а потом к ним привезли размалёванных девиц, и те, вилия бёдрами, разошлись с клиентами по закоулкам помещения.

Пережив ту ночь, Юля собралась с духом и всё же вышла на следующую смену. Те братки больше не появились, а к похождениям ночных посетителей сомнительного вида она со временем привыкла.

Днём, когда в зале стригли парикмахеры, в закутке продавали газеты, канцелярские товары, воздушные шарик и прочую мелочь. Ночной ассортимент тоже невелик: помимо сигарет, настоек боярышника и «Тройного одеколора», продавался чудо-напиток «Юппи» — импортный цветной порошок в яркой упаковке, ещё кое-что съестное. Для людей разборчивых и при деньгах из-под прилавка доставали палёную водку. Так что в разное время у лавчонки крутился разный контингент: днём — школота и тётушки, ночью — бандиты и тёмные личности.

Юля боялась работать по ночам — каждый раз ждала, что приедут братки, но дневные смены были заняты «своими» людьми. Что ж, привыкла и к такому — выживать на что-то надо. По крайней мере, Асхат регулярно ей платил.

Жизнь Юли превратилась в бесконечный бег по кругу: безликие дни, беспокойные ночи в шаге от пьяни и бандитов.

Прошло почти два месяца. Как-то хозяин встретил Юлю у парикмахерской перед началом смены. При ней он пересчитал оставшийся товар, выручку и, удовлетворённо кивнув, сказал:

— Напарника тебе нашёл. Сейчас придёт. Ты

ему дело объясни, а сама бери три выходных.

Когда мужчина в замызганном пальто и застиранных брюках с отутюженными стрелками пришёл в парикмахерскую, Асхат укатил. Перед Юлей стоял с виду интеллигентный пожилой человек явно пенсионного возраста, на желтоватом лице его виднелись порезы от бритья. Не веря в своё счастье, она уже подсовывала тетрадки с отчётностью новому продавцу.

На то, чтобы выспаться, у Юли ушли почти целые сутки. Во второй выходной до обеда она занималась генеральной уборкой. Перекусив, вспомнила, что надо бы пройтись по магазинам и прицениться к обуви: подошва сапог от ленинградской слякоти отклеилась — так и ходила с мокрыми ногами. Дома сушила обувь на батарее, а на работе ставила возле «козла» — самодельного обогревателя с раскалявшейся докрасна спиралью, обмотанной вокруг керамической болванки. Каждый раз Юля опасалась, что спалит сапоги или того хуже — всю парикмахерскую. Но делать было нечего: надев сменку, она вновь подсовывала промокшую подошву сапог ближе к жару. Та пересыхала, стельки дубели, дыры на обуви расплзались всё больше и больше.

Пройдясь по магазинам, Юля поняла, что такие дорогие сапоги, как в витринах, позволить себе не может. Оставался вариант — барахолка. Но теперь, наученная, она решила идти туда только после того, как продаст хоть несколько книг из числа тех, что не увезли родители.

В семейной библиотеке хранились старинные издания, вывозить их было рискованно, всё-таки, по сути, антиквариат. Вдруг отобрали бы на таможне? А теперь это был Юлин «капитал» — приданое, так сказать. Она знала: прежний рынок переехал, надо ехать на Крупы — теперь там торговали книгами.

Несмотря на будничность, на Крупе было полно книгопродавцев. Юле не нравилось это слово, в нём слышалось что-то подленькое, предательское.

Толкаясь по рядам вместе с другими покупателями, она рассматривала товар, сверялась с изданиями, интересовалась ценой. Юля отметила, что книги на рынке по большому счёту однотипные: классика есть классика. Из фан-

тастики лежали Стругацкие, Беляев, Азимов, Шекли, Брэдбери. Тут же — Шолохов, Булгаков, Ильф и Петров, реже — Кожевников и Лажечников, были томики Ахматовой, Цветаевой... Цены тоже колебались в зависимости от издания и состояния книги.

Покупателей было пруд пруди, и это вселяло надежду на бойкую торговлю. Юля встала на свободное место рядом с таким же продавцом и разложила свой товар на раскладном табурете, заботливо накрыла книги целлофаном. План у Юли был такой: для начала, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, выложить что попроще — таких книг на рынке было много, а потом, если покупатель заинтересуется, можно предложить что-нибудь из редкого — значит, дорогого.

Она взяла с собой две таких книги, но в глубине души надеялась, что на сапоги хватит и классики, до раритетов дело не дойдёт. Да и цену на них она не представляла — ничего подобного у других продавцов не нашла.

Целлофан оказался кстати. Не простояла и поллучаса, как с неба посыпалась колкая снежная крупа. Юля замёрзла и с завистью поглядывала на соседа — молодого парня. В одно мгновение он облачился в полушубок и валенки, а чтобы их не промочить в образовавшейся грязной каше, под ноги кинул разобранную картонную коробку. Такая же метаморфоза произошла со многими книгопродавцами: непогода разделила всех торгующих на опытных и новичков.

Так, постукивая одной ногой о другую, по бросовой цене, не торгуясь, Юля продала кое-что из классики. Хотела уже идти домой, когда заметила среди покупателей яркую девушку. Она выделялась в серой толпе: короткое каре цвета пшеницы, красный берет, крупной вязки оранжевый шарф, края которого лежали поверх чернильного пальто — длинного, почти до пят. В этом образе уживались богемная небрежность и элегантность. Похоже, на рынке она знала многих. Девушка подходила к продавцам, о чём-то расспрашивала их, чаще те отрицательно качали головой, и она снова шла по рядам.

— Привет, Федя! — обратилась девушка к Юлиному соседу, протянув ему узкую ладошку.

— Привет, Марго. Давно не видел тебя. Что-то случилось? — тот говорил с ней как с хорошей знакомой.

— А ты не слышал?! Вытурили молодых поэтов на улицу! — голос у девушки был мелодичный.

— А-а, — вяло махнул рукой Федя, — теперь всюду война, даже у вас, литераторов, бардак. Ты уж прости, Марго, не хотел обидеть.

Девушка кивнула в ответ, мол, чего тут — что есть, то есть.

— Где теперь собираться будете? — безразлично обронил Федя больше из уважения к собеседнице. Было видно, что ему было до лампочки, где теперь будут собираться молодые литераторы.

— Пока у Гришани тусим, а там видно будет, — она зябко пожала плечами. — Холодно сегодня, — Марго подышала на замёрзшие пальцы и сунула руки в карманы пальто. — Ладно, пойду я... — тут же вспомнила: — Кстати, сегодня ничего для меня нет?

— Я бы сразу сказал, — растянулся в шербатой улыбке продавец. — Так, может, это... чаю из термоса тебе налить? Согреешься...

Девушка отмахнулась:

— Нет, спасибо. Бывай, — и пошла дальше по ряду.

Юля, уловившая суть разговора, окликнула её:

— Извините!.. Может, у меня есть что-то для вас? — и приподняла край целлофана.

Марго задержалась, бросила взгляд на книжный лоток:

— Таким добром вся Крупа завалена.

Она уже развернулась, чтобы двинуть дальше, но Юля вновь остановила её:

— Стойте, у меня вот... здесь... — и вынула из тряпичной сумки томик, завернутый в газету. Пошуршала обёрткой и протянула незнакомке книгу.

— Ого! — Марго бережно взяла её в руки.

— Жюль Верн... Очень редкое издание. Блокаду пережило, — сказала Юля, чувствуя неловкость за то, что продаёт такую реликвию.

Марго оторвала взгляд от титульного листа, пристально посмотрела на Юлю. В её глазах не было осуждения или оценки выгоды с возможной покупки. Скорее, Марго представила, почему решили продать такую вещь. По всему было видно, что продавец до конца не понимает ценность этой книги, иначе на Крупе её бы не было.

Юля догадалась, о чём думает Марго, и почувствовала себя тем самым книгопродавцем-предателем.

— Ну, таким я не очень увлекаюсь, хотя книга ценная, — отложив Жюля Верна, сказала незнакомка и любопытствовала: — А ещё есть что-нибудь?

— Вот, — чуть поколебавшись, Юля вытащила из тряпичной сумки томик Цветаевой.

— Ха! Да ты ж моя хорошая! — радостно воскликнула девушка в фиолетовом пальто. — Это же «Волшебный фонарь»! Тоже на продажу?!

Сердце Юлино ухнуло, будто она лишается последней опоры в жизни:

— Нет! — замотала вдруг головой. — Это так, показать! — она выхватила из рук Марго томик и быстро, даже стыдливо, сунула обратно в сумку, ругая себя за эту глупую затею.

Марго чуть расстроилась — это было видно. Она помолчала немного, решая, идти ей дальше или, может...

— Слушай, если очень нужны деньги, то я могу свести тебя с одним человеком, — предложила Марго, — он точно возьмёт Жюля Верна. У меня сейчас на эту книгу денег нет.

— У меня есть, — вмешался сосед.

Фёдор всем видом показывал, что весьма платежеспособен и не прочь сделать одолжение — выкупить книгу, но нетерпение в голосе и алчный огонёк в его глазах выдавали особую заинтересованность.

Марго по-свойски похлопала его по плечу:

— Бывай, Федя! Уж сколько стоишь! Прохлопал ты свою соседку! — и, повернувшись к Юле, спросила: — Ну как, адресами, телефонами обменяемся?

— Обменяемся, — согласилась Юля, которую уже потряхивало от холода.

Она была согласна на что угодно, лишь бы быстрее вернуться в тепло своей квартиры. На клочке газеты Юля спешно начиркала адрес, сложила бумажку вчетверо и сунула Марго. Записка утонула в складках чернильного пальто, и его владелица кинула беспокойный взгляд на Федю.

— Если подождёшь меня минут пять... ну, семь, то можем выдвинуться вместе. Мне тоже в сторону Васьки, — Марго явно не хотела оставлять свою новую знакомую наедине с Федей.

— Хорошо, — кивнула Юля. — Я пока книги соберу, — страхнула снежную крупу с целлофана.

Марго шутливо пригрозила Феде кулаком:

не твоё — не трожь, — и быстрым шагом пошла вдоль книжных лотков. Юле предложений от него больше не поступало — опоздал, значит, опоздал.

К тому времени, когда она полностью собрала свои вещи, вернулась запыхавшаяся Марго. Строго взглянув на скучающего Федю, она взяла девушку под локоть:

— Пойдём, здесь кафешка недалеко — погреемся. Не помню... как тебя зовут?..

— Юля.

— А я — Марго.

Кафе действительно оказалось рядом. Приглушённо играла музыка, от свежей выпечки аппетитно пахло корицей. За столиком в углу сидела влюблённая парочка — больше никого в зале.

Официант принёс меню новым посетителям. Страницу за страницей Юля изучала флиант, цепляясь взглядом за заморские названия блюд. Чего там только не было! Но выбор её был скромнен: чай и пирожное.

На новые сапоги барышей с книг всё равно не хватит, придётся старые отдать в мастерскую — может, обувщик что придумает. «Так что гуляем!..» — решила про себя Юля, хотела угостить и Марго, но та от её щедрости наотрез отказалась, а чай с пирожным купила себе сама.

Марго оказалась интересной собеседницей. Она поэтесса, так что была в курсе всех литературных течений и склок в городе. Книги, кино — оказалось, у них с Юлей было немало общего, и темы разговоров перетекали одна в другую.

В кафе ввалилась шумная компания. Юля, чуть подавшись корпусом вперёд, чтобы не упустить ни единого слова, вглядывалась в артикуляцию губ новой знакомой. Марго не могла не заметить такого пристального внимания, потому, чуть смутившись, поинтересовалась, что не так с её губами. Впервые без тени стыда Юля сама призналась чужому человеку: она носит слуховой аппарат, — и это было легко и естественно.

В институте на лекциях по дифференциальной и общей психологии им рассказывали, как прорабатывают комплексы, — что-то в таком духе: подыскать в своём «эго» уютную нишу недостатку и определить для себя достойное место в обществе — это Юля опробовала на себе. Но что-

бы рассказать первому встречному!.. Такого она от себя и сама не ожидала!

Марго даже прослезилась от откровенности:

— Да ты ж моя хорошая!.. — во взгляде её читалась не жалость, нет, а доброе участие.

Почувствовав родственную душу, Юля выговаривалась, не умолкая ни на минуту, словно боялась упустить что-то важное. Она рассказывала о школе, о бабе Томе и о родителях, о бабе Свете и злосчастном паласе, об Антоне Сергеевиче.

— Вот козёл! — не на шутку разозлилась Марго. Щёки её покраснелись от возмущения.

По мере того как Юля рассказывала о своей жизни, выражение лица слушательницы менялось, будто это она проживает всю Юлину жизнь. Глаза её искрились радостью, а через мгновение она мрачнела, как грозовая туча, иногда до слёз звонко хохотала, откинувшись на спинку стула.

Когда Юля рассказала о тетрадке со стихами, Марго напряглась. Она выпрямила спину, сложив руки на столе, как пианистка, попросила:

— Почитай, что помнишь наизусть.

Юля прочла одно из своих стихотворений.

— Ещё, — велела Марго.

Потом было ещё и ещё...

— Кажется, всё, — наконец выдохнула Юля.

— Пойдём! Прямо сейчас! — Марго порывисто встала, схватила Юлю за руку и, не давая опомниться, потащила её к двери.

— Куда мы? — только и успела спросить та, накидывая куртку на плечи.

Юля даже не успела удивиться тому, что готова идти куда угодно с человеком, с которым познакомилась всего пару часов назад.

— К Гришане! — уже на пороге кафе сказала Марго.

— Это он купит книгу? — ляпнула Юля.

Марго резко остановилась, будто споткнулась. Повернулась к ней:

— Забудь! Такие книги не продают. Они погибнут, если отказаться от них. Это всё равно что бросить в огонь, понимаешь?! — Марго была очень серьёзной, она взволнованно смотрела на Юлю, и та, кажется, поняла её. — У Гришани много классных авторов по комнатам напихано. Теперь многие поэты у него бывают. Пошли, нас там примут.

Вот уже пять минут, как Марго настойчиво звонила, затем стучала в дверь, обитую дерматином. Юля стояла рядом, гадая, кто за ней скрывается.

Дверь была самая обыкновенная. Когда-то с помощью шнура и декоративных гвоздей на всю её поверхность нанесли рисунок из девяти ромбов — три ряда по три штуки, между ними — глазок, замазанный то ли смолой, то ли пластилином. Пока Марго тарабанила, Юля насчитала четыре уцелевших ромба, на остальных шнур был порван.

Наконец из квартиры послышалось какое-то движение.

— Пароль? — сипловатым голосом спросили из-за двери.

— Это вы были палачом в городе Лилля? — отозвалась Марго.

Дверь открылась. За решёткой из железных прутьев, закрывающей весь проём, стоял человек лет тридцати — тридцати пяти в тубейке и со включенной бородой. На нём был синий шёлковый халат с рисунком: красный клыкастый дракон и ветка сакуры. Человек не походил на палача из «Трёх мушкетёров», скорее напоминал абрека из фильмов про басмачей или разбойника из сказки про Алибабу.

— А-а, — протянул «разбойник», — это ты, Марго. Проходите, мы только встаём после вчерашнего или сегодняшнего, — взглянув на наручные часы, широко зевнул, обнажив гниловатые зубы.

Открывающаяся решётка скрипнула. Марго, схватив Юлю за руку, юркнула внутрь, попутно чмокнув мужчину в щёку.

— Это Юля, — коротко представила она свою спутницу. — А это — Гришаня.

Что было накануне, объяснять не требовалось. Кругом царил беспорядок. В спёртом воздухе витал запах табака, рыбных консервов и чего-то кисловатого. По углам ютились пустые бутылки из-под портвейна, посреди зала стоял стол, покрытый скатертью в разводах. У батареи на брошенных на пол матрасах в одежде спали двое.

— Присаживайтесь на диван, — Гришаня откинул угол замызанной простыни и указал гостям на свободное место. — Вчера тверские прибыли, сейчас подниму, — сонно просипел он и по паркету пошаркал тапками в соседнюю комнату.

— А для чего пароль? — удивлённая Юля шепнула на ухо Марго.

Она всегда невольно задерживала взгляд на ушах своих собеседников. У Юли даже была своя теория, правда, на неё нередко находились исключения. И тем не менее она верила, что уши определяют натуру человека. Что-то типа архетипов людей — об этом им рассказывали на лекции в институте. Например, большие уши свойственны простодушным, у бунтарей уши плоские, с мясистыми мочками — у мудрецов, маленькие — у жалостливых, лопоухие — у шутов по натуре. Ещё встречались уши со сложным, словно лабиринт, рисунком раковины, а у хозяина торговой точки Асхата уши воина — со сломанными хрящевыми тканями, мягкими на вид и припухлыми, будто подушечки-игольницы. Юля была уверена, что красивые уши у людей одарённых, чувствительных. Так вот у Марго были маленькие уши с изящными изгибами раковины.

Марго улыбнулась Юле: смелее, мол, — и объяснила, к чему такая конспирация:

— Соседка сверху — скандалистка. Уже и милицию вызывала не раз. Глазок замазывает какой-то дрянью, чтобы не видно было, кто пришёл. Вот Гришаня и придумал открывать дверь только на пароль, — и, предвосхищая Юлин вопрос, продолжила: — Никакого пароля на самом деле нет. Главное — сказать в ответ что-нибудь оригинальное, что на слуху у многих или хотя бы смешное. Ну, чтоб понятно было: свои.

— ...Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! — послышался голос Гришани из соседней комнаты. — Надо за портишком сходить и прибраться в комнате. Марго явилась.

Всё пришло в движение. Оказывается, комнат было три, и в каждой находились гости. Они вваливались в зал, обнимались, целовались с Марго, потом брались за уборку. Всего Юля насчитала десять человек, с ними — двенадцать. Самым старшим по виду был Гришаня, он-то и руководил всеми. Слышались его указания: «Аня, Катя, скатерть — в грязное! Тащите клеёнку из шкафа. Егорушка, не громихай так бутылками — голова лопнет! Андрюша, где пряники твои тульские? Остались ещё? Игорёк, поставь Тома Уэйтса, кассета — на полке. Светушка! Мать моя женщина! Откуда ты везла эту колбасу? Из Воронежа?! Су-

дя по запаху, она уже приехала! Откройте дверь кто-нибудь, в парадной — москвичи, наверное, с вином пришли!.. Да пароль не забудьте спросить!»

Марго тоже не сидела на месте. Бойко, со знанием дела включилась в уборку и сервировку стола, если это можно было так назвать. Разложенные по тарелкам продукты напоминали скорее витрину магазина. Рядом со шматом сала — тарелка с рогаликами и «Краковской», тут же лежали плавленые сырки «Дружба», разломанные пирожки (кто-то проверял начинку), огромных размеров тульский пряник, кучка семечек подсолнечника, стояли разномастные кружки со следами сколов и бутылки с портвейном, занимающие оставшееся пространство стола.

Юля наблюдала за этим ожившим ульем с большим интересом. Всё ей было в диковину: молодые поэты, живущие одной семьёй, Алибаба-Гришаня, Марго с её неуёмной энергией и даже Том Уэйтс, исполняющий песни под жалостливый, словно льющийся из шарманки мотив. Странно, но всё это Юле, кажется, нравилось.

Скоро сели за стол, оживились за вином и стихами. Никто не спрашивал, откуда взялась здесь Юля, не приставал с расспросами.

Гришаня протяжно декламировал Мандельштама, Бродского, перемежая их со своими стихами. В кульминационные моменты он разводил длинные руки, будто пытался обнять весь стол или, может, напустит на гостей красного дракона, оживающего в ветвях сакуры. В перерывах между его выступлениями из-за стола поднимался кто-то из поэтов, чтобы прочесть что-нибудь из «своего новенького».

Потом в шумном многоголосье Гришаня постучал ножом по кружке, призывая к тишине.

— Народ! Пииты! Предлагаю тост за Санкт-Петербург, за историческую справедливость народного референдума, за великого Петра, за любимый город Питер!

Кто-то крикнул «ура!», послышалось приглушённое чоканье кружек.

— А почему не за Ленинград? — спросила Юля у Марго.

Прозвучало это слишком громко — в шуме компании она не рассчитала силу голоса. За столом воцарилась тишина. Юля с ужасом поняла: она что-то сделала не так... Или не расслышала?

Гришаня, поперхнувшись, поставил бокал на стол.

— Марго, кто это? — впервые по-настоящему заинтересовался он гостей.

— Юля, — сама представилась она.

— Откуда ты, Юля? — в словах Гришани сквозила ирония, в глазах — насмешка.

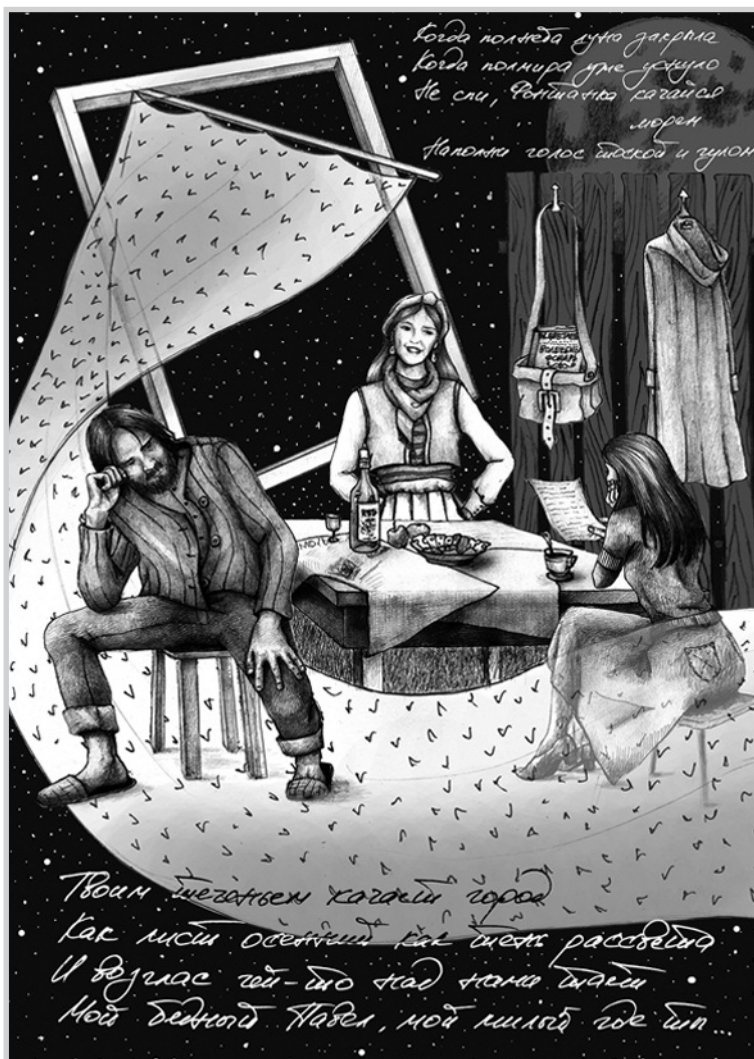
Колкие взгляды школьных лет, казалось, навсегда оставшиеся в прошлом и перешедшие в разряд детских обид, снова всплыли в памяти, больно раня Юлю.

— Я живу на Ваське, — с достоинством вскинув голову, как это делала баба Тома, тихо ответила она, внутренне готовясь постоять за себя.

— Я понял, что на острове. Мы здесь, на материке, уже пару месяцев живём в Санкт-Петербурге, — прыснул Гришаня, и его поддержали смешками все присутствующие, кроме Марго.

Она налилась краской, словно ей было стыдно за своих приятелей. В поисках поддержки для своей протезе взгляд Марго растерянно блуждал над столом, натываясь на раскрасневшиеся от вина лица хихикающих поэтов. Она растерялась, не зная, чем может помочь новой подруге.

Юля порывисто встала, готовая уйти, но вдруг, сама от себя не ожидая, развернулась к столу...

*Когда полнеба луна закрыла,
Когда полмира уже уснуло,
Не спи, Фонтанка, качайся морем,
Наполни голос тоской и гулом.*

*Глубин осенних никто не знает,
Полночных истин никто не спросит.
В канале тёмном мосты утонут,
В тебя впадает любая осень.*

*Твоим теченьем качает город,
Как лист осенний, как тень рассвета.
И возглас чей-то над нами тает:
«Мой бедный Павел, мой милый, где ты?»*

*Дыши, Фонтанка, осенней ночью,
Плечи в граниты, играй с луною.
Ты через сердце течёшь, Фонтанка,
И белый парус несом тобою².*

Её стихи были вызовом Гришане и всем, кто сидел за столом.

— Это твои? — первым отреагировал он.

Юля кивнула.

— Где ты взяла её, Марго?! — вместо насмешки в голосе его слышалось восхищение.

— Она же сказала — с Васьки! — с торжествующим видом ответила Марго.

— Да ты ж моя хорошая!.. — воскликнул Гришаня и тепло посмотрел на Юлю.

Она почувствовала искренность в этой фразе, слышанной за день уже несколько раз. Гришаня резко встал — то ли испуганно, то ли сердито скрипнули ножки стула. Он вышел из-за стола и, расталкивая всех на своем пути, протиснулся к Юле, зажатой между столом и диваном. Гришаня раскрыл объятия и крепко обнял девушку, а дракон на его халате обвинил её длинным хвостом.

— Предлагаю тост, друзья! — покрасневший, возбуждённый Гришаня церемонно поднял бокал. — За нового гопника! За Юлю с острова! Отныне для неё открыта эта дверь!

Слово «гопник» поначалу задело Юлю — всё равно что бандит. Но Марго успокоила. Оказывается, поэтами-гопниками называли в тридцатые годы творческую бесквартирную интеллигенцию, проживавшую в ГОПах — «государственных общежитиях пролетариата».

За столом воцарилось прежнее оживление. Юля Бергман, с головой окунаясь в волны поэзии, наверное, впервые почувствовала себя защищённой вне стен своего дома.

Марго рассказала присутствующим, какое богатство есть у Юли. И её тут же отправили в прихожую — за томиком Цветаевой, оставшимся в сумке. Потом из рук в руки передавали «Волшебный фонарь», словно это было послание, обращённое к ним, поэтам. Звучали великие строки, и музыка вечного света плыла над столом, проникая в самое сердце.

Домой, в коммуналку, Юля вернулась за полночь. Свет в коридоре тускло горел. Она сняла промокшие сапоги, на цыпочках прокралась к своей комнате, вошла внутрь и, провернув в замочной скважине ключ, тихонько закрыла за собой дверь. Не успела сделать и пары шагов, как в дверь воровато постучали. Недоумевая, кто бы это мог быть, Юля приоткрыла.

На неё смущённо глядел юноша в белой отутюженной рубашке и с косым пробором на тщательно уложенных волосах — заметно, что он готовился к этой встрече. Иначе зачем было ночью при полном параде бродить по коридору коммуналки?

На пороге стоял Стёпик, вернее даже Степан.

— Ты чего? — Юля была озадачена визитом разряженного соседа.

— Я... — заволновавшийся Степан запнулся. — Можно войти? — шёпотом взмолился он, беспокойно косясь на дверь своей комнаты.

— Только ненадолго, — сдалась Юля, заинтригованная его поведением. — У меня завтра непростой день, а потом ещё в ночную смену идти...

Степан вошёл внутрь, огляделся. Он ни разу не был у Бергманов.

— Ну, выкладывай, что там у тебя? — в нетерпении спросила Юля.

Степан заметно нервничал, переминаясь с ноги на ногу, наконец решился:

— Я о твоей «ночной смене», — начал он. — Понимаю, тебе нелегко сейчас без родителей. Я мог бы помочь... — опять запнулся, полез в карман брюк с острыми стрелками. — Сколько стоит ночь? — спросил, стыдливо отвернув лицо в сторону.

— Я почём знаю? Всё от продаж зависит, от клиентов...

«Может, работа нужна... устроиться куда хочешь?» — подумала Юля и, чтобы парень не обольщался золотыми горами, добавила:

— В последнее время много не заработаешь — одни бомжи ходят.

При этих словах Стёпик побледнел. А сама Юля прикидывала в уме, какая в среднем у неё выходит зарплата за одну смену. Но вдруг опомнилась:

— А тебе для чего знать?

— Может, не надо тебе с бомжами, а? У меня тоже деньги есть. Вот! — и он протянул на ладони смятую бумажку. — Мне ничего не надо, я просто так буду давать! Ты очень красивая, тебе не надо с бомжами! — сбивчиво, горячо говорил Степан, глядя на Юлю с болью и отчаянием, словно бездомная собака.

Только сейчас до Юли дошло, что понимал сосед под этими «ночными сменами». Она схватила его за грудки и трянула с такой силой, что ткань на рубашке затрещала.

— Что вам всем надо от меня?! — прорычала она в лицо испуганному Стёпику. — А ну вон отсюда! Ты за кого меня принимаешь, а?! — толкнула его к двери, и парень едва не упал, но удержался за косяк.

Он обернулся на выходе из комнаты и зашептал:

— Прости меня, пожалуйста... Это мать мне наговорила!.. Мол, не смотри в её сторону, по ночам работают лишь одни... — Стёпик осёкся, побледнев, его губы мелко дрожали.

— Проститутки?! — договорила за него Юля. — Ты, Стёпик, дурак! Сколько помню, твоя мать в пекарне ночные смены стояла. Что-то я не слышала, чтобы проституток награждали орденом «Знак Почёта»? А может, уже стали им ордена выдавать?! А, Клавдия Ивановна?! У вас-то за что орден?! — зычно прокричала Юля, чтобы слышали все соседи, а лучше бы и вся парадная.

Коммуналка молчала, но в тишине этой угадывалось множество любопытных ушей, прильнувших к тонким перегородкам комнат.

Почувствовав слабость в ногах, Юля опустилась на диван. Слезы брызнули у неё из глаз. Она уже не могла ни злиться, ни кричать, ни даже лупасить этого остолопа Стёпика.

— Я ночами пашу как проклятая... в этом магазине! Вон, даже сапоги купить не на что, а меня в проститутки записали. Спасибо, соседи! — Юля шмыгала носом, размазывая по лицу потёкшую тушь.

Стёпка не уходил, по-прежнему стоял у двери.

— Прости меня, пожалуйста! — он виновато улыбнулся. — Можно я приду к тебе как-нибудь?

— Да иди ты отсюда! — всхлипывая, Юля погрозила ему кулаком.

— Это хорошо, что в магазине, — бормотал Стёпик. Понимая, что сейчас не лучшее время для бесед, он вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

1992

Зима случилась затяжной и слякотной. Над Ленинградом висели тяжёлые свинцовые тучи. Иногда они изрыгали снег на набережные и мостовые, а следом выползали дворники и снегоуборочная техника.

Большой страны не стало — Советский Союз развалился в декабре 1991-го. И даже от Юли

Бергман новость не ускользнула — разговоров было на каждом углу.

Ольга Израилевна и Юрий Петрович в Германии получили статус контингентных беженцев. В письмах сообщали дочери, что у них всё в порядке, очень соскучились и с нетерпением ждут, когда она прилетит к ним. К тому же теперь каждый месяц родители высылали ей деньги. Суммы были небольшие, но всё же на скромную жизнь хватало. Юля уволилась с той ночной работы в ларьке, сапоги наконец-то отнесла в починку, прикупила кое-что из вещей.

Учёба в институте подходила к завершению. Выпускница писала дипломную работу, готовилась к госам, а в перерывах бегала по чиновникам — оформляла документы на выезд в Германию.

Поначалу Степан по возможности избегал Юлю, хотя она не сердилась на него — чуть хмурилась, если тот встречался ей на кухне или в парадной. А он, покраснев ушами, опускал взгляд и ускорял шаг, чтобы проскочить мимо, как проштрафившийся школьник. Короче, делал вид, что не заметил и сам остался незамеченным. Смешно!

А вообще-то, Стёпик вёл себя как влюблённый олух, чем забавлял Юлю. В последнее время ей даже понравилось дразнить его. Заслышав знакомые шаги, она старалась попасться ему на глаза, чтобы понаблюдать, как бедный Стёпик меняется в лице от охватившего его противоречивого чувства — желания заговорить и панического страха вымолвить хоть слово.

С Марго теперь Юля виделась по выходным, чаще — на квартирниках у Гришани. Однажды он попытался поухаживать за Юлей. Но подруга вмешалась: увела его в другую комнату, было слышно, что они ссорятся. После того разговора Гришаня, звякнув дверью, вышел на проглоченный ночью балкон. А Марго, подхватив Юлю под руку, вытолкала её в прихожую.

— Что-то случилось? — когда Юля надевала куртку, её осенила догадка. — Если ты из-за Гришани, то...

Марго приставила палец к Юлиным гу-

бам, давая понять, что сейчас не время для объяснений.

— Покажи мне, как ты живёшь. Можно? — в её голосе слышался какой-то надлом.

— Пойдём, — с готовностью согласилась Юля.

Они вышли в темень неосвещённой парадной, торопливо, словно убегая от кого-то, спустились по лестнице.

На улице властвовал ледяной ветер, забираясь под полы пальто Марго, поднимал позёмки, подбивая снегом низкие сугробы.

— Даже не верится, что завтра первый день весны, — она поёжилась и задрала голову к небу. На балконе виднелся человек с сигаретой. — Он тебе нравится? — спросила Марго, скрывая волнение.

— Нет, — искренне ответила Юля, — мне не нравятся лысые, — и вспомнила Антона Сергеевича, но, спохватившись, чтобы не задеть чувства подруги, добавила: — Мне не везёт с парнями.

Марго с благодарностью посмотрела на Юлю, взяла её под руку:

— Пойдём, пока метро не закрылось.

Они сидели в тёмной комнате на Юлиной кровати. За шторами на подоконнике тускло светила настольная лампа. Марго поджала коленки и обняла их руками, точь-в-точь, как это делала сама Юля. На журнальном столике перед кроватью — два бокала из-под вина и метроном. Когда пружина слабела, хозяйка комнаты взводила её маленькой эбонитовой ручкой. Юле казалось, что они сидят на берегу моря, а метроном отбивает звук ударов набегающей волны.

— Правда, похоже на шум моря? — спросила она.

Юля была уверена, что Марго должна чувствовать в этот момент то же, что и она. Подруга промолчала. За шторой на окне моргнула пару раз и погасла лампа.

— Перегорела, наверное. Я сейчас верну другую, — Юля порывалась пойти в родительскую комнату.

— Не надо, — остановила её Марго. — Знаешь, мне тоже не везёт с парнями...

Юля почувствовала прикосновение её руки,

отчего-то она пошла навстречу мимолётному порыву и ощутила на своих губах тепло губ Марго. В голову хмелем прилила кровь, всё закружилось, сбилось дыхание от полноты нахлынувших чувств...

Наутро Марго исчезла из коммуналки на 21-й линии Васильевского острова. О том, что она здесь была, напоминал лишь второй бокал и записка с коротким «Прости». Юля расплакалась. Она не понимала, о чём сожалеет больше: о потере подруги или о той ночи.

Как подарок на восьмое марта Юля Бергман получила телеграмму-уведомление о переговорах с Германией. Еле дождалась назначенного дня. На главпочтамт она пришла за два часа до звонка.

— Девушка! Вы уже в пятый раз подходите! — за окошком из толстого стекла сидела служащая солидной комплекции. — Вам назначено на 14:00, ждите своего времени!

— А вдруг перенесут? — не унималась Юля.

— Это Германия, у них всё строго по расписанию.

— А если наши...

— Ваши будут ждать сколько положено! — рявкнули за окошком.

Юля обречённо отошла от стойки. Не находя себе места, она снова и снова прохаживалась мимо пронумерованных кабинок с телефонными аппаратами. Чтобы не забыть важное, повторяла про себя всё, о чём хотела рассказать маме.

Как ни ждала она, голос из репродуктора застал её врасплох.

— Это меня?! — подбежала к окошку.

Скривив губы, вместо ответа дамочка выставила табличку с надписью «Перерыв» и ушла.

— Вас это... вас... Идите в международную, — зашушукали в очереди.

Сердце Юли колотилось с такой силой, что, казалось, шум его затмит все звуки во вселенной.

— Алло, доченька! — услышала она в трубке, и слёзы сами брызнули из Юлиных глаз.

Мама!..

Вмиг забылось, о чём хотела сообщить. Всхлипы слышались с обоих концов, и только.

Слёзы эти говорили о многом — такого и за день не рассказать.

— У вас осталась одна минута, — слышался в трубке казённый голос.

Мама спохватилась:

— Ой, доченька, как поживаешь? Да что ж я спрашиваю?! — прокричала Ольга Израилевна. — Бросай всё... квартиру... эту учёбу чёртову!.. Приезжай к нам, хоть завтра вылетай! Слышишь? Деньги мы выслали. Сходи полу...

Связь прервалась, а Юля, утирая слёзы, продолжала кивать коротким гудкам в трубке.

Юлин отъезд в Германию оказался будничным — ни застолья на дорожку, ни тёплого прощания с друзьями. Солнечным июньским утром на пороге её комнаты появился дядя Изя со второго этажа.

— Ну что, улетаешь к родителям? — дежурно спросил он, будто не было договорённости, что он отвезёт Юлю в Пулково.

— Угу, — кивнула она. — Все уехали: Людмила Исааковна, Михаил Яковлевич... — и вдруг словно услышала себя со стороны.

Вот так же и родители ещё совсем недавно стояли на пороге новой жизни в надежде на лучшую долю. Что будет в далёкой Германии?

Юля Бергман закрыла комнату на ключ, и только теперь в голове всплыла мысль: наверно, надо было кому-то его сдать. Но слишком поздно — теперь не до того. Она привычно сунула ключ в карман ветровки, а дядя Изя подхватил чемоданы и вышел в парадную. В прихожей Юля обернулась, прощаясь со старыми стенами коммуналки, вдруг ставшими мрачными и тесными для неё. Она как будто выросла из них, повзрослела за то время, что жила одна. На мгновение коммуналка ей показалась умудрённой жизнью, потемневшей от времени старухой. Ведая о том, что Юле ещё предстоит узнать, коммуналка скорбно молчала, провожая личику в большую жизнь.

Удобно расположившись в мягком кресле, Юля сидела в зале ожидания аэропорта. Времени перед вылетом было с лихвой, и она представляла встречу с родителями. Мысленно Юля Бергман уже была в Германии. Здесь, на родине, в Ленинграде, её ничто не держит. По крайней мере, ей так казалось...

Со всеми делами она благополучно справи-

лась: сдала госэкзамены и досрочно защитила дипломную работу, собрала вещи, закрыла комнаты, даже пристроила к Марго самое ценное из книг.

Прошло два с лишним месяца с их последней встречи, Марго так и не дала о себе знать, а Юля до сих пор не решила, кем она была для неё и что случилось той ночью. С Марго, Гришаней и другими поэтами-гопниками видеться ей не хотелось. Теперь это не важно. Но владельца для драгоценных изданий надёжней, чем Марго, не найти, и Юля выдумала целую историю... Книги тщательно завернула в газеты, зашила в тканевый мешок, затем отыскала на Крупе Федю и попросила передать общей знакомой посылку. Пришлось соврать, что Марго в курсе, но на встречу опаздывает, а Юля уезжает в отпуск — до поезда всего ничего, ждать некогда.

Пассажиры рейса на Берлин пригласили на посадку. Юля поднялась из кресла, и вдруг словно током ударило — в зал влетела... Марго! Нет, ошиблась. Это просто женщина в фиолетовом пальто и красном берете.

Тяжело дыша, дамочка прошла мимо Юли. На немецком она начала что-то эмоционально говорить сбившимся в стайку иностранцам, а те громко приветствовали её, улыбались, похлопывали по плечу.

Вне стен коммуналки немецкий звучал совсем иначе, это стало неприятным сюрпризом для Юли. Хотя академическая речь репетитора, наверное, тоже была бы мало понятна туристам из Германии. И всё же, прислушавшись, Юля поняла общий смысл фраз.

Оказывается, в погоне за сувенирами немка отбилась от своей группы. Тут женщина — Марил, так её называли — достала предмет, из-за которого рисковала опоздать на самолёт, — ушанку! И шапка тут же пошла по головам туристов. Словно трофей, они с гоголом передавали её друг другу, крутили в руках, примеряли на себя, шутовски козыряя, как военные.

Юля поморщилась от такой картины.

Впрочем, время шло, пассажиры уже заняли места в самолёте. Собираясь подремать, Юля Бергман сняла слуховой аппарат, но вокруг поднялся галдёж. Подгоняемая любопытством, вновь вставила прибор в ухо.

Оказалось, причиной суматохи была всё та же Марил, точнее, её сувениры. Она сидела в одном ряду с Юлей, их разделял узкий проход. По обрывкам фраз Юля поняла, что немцам не терпится поближе посмотреть покупки той германской дамочки. Чтобы не ходить по салону, обернувшись в кресле, Марил бросила одному из земляков мелкую вещицу. Тот ловко поймал. Что-то покрутив в руках, перекинул её другому. Молодой долговязый бурш, громко гогоча, приложил вещицу ко лбу. Юля, тоже обернувшаяся на смех, смогла разглядеть, что это, — солдатская звёздочка — та, что с серпом и молотом.

Последним, у кого оказалась звезда, стал пожилой, но ещё крепкий бюргер с белой от

седины бородой. Он сидел рядом с Юлей и был единственным из шумной компании, кто не интересовался сувенирами Марил. Во взгляде его читалось какое-то особое знание жизни, чего не бывает у молодых. Мужчина рассматривал значок на ладони, затем поднёс его к глазам, кончиками пальцев сжимая острые лучи звезды.

Марил это истолковала по-своему:

— Если хочешь — оставь, привезёшь домой! Таких безделушек теперь полно.

— Нет, Марил, забери себе, — он тяжело вздохнул и сказал будто самому себе: — У меня было две таких. Правда, это было давно...

Чуть свесившись с кресла, мужчина подкинул значок хозяйке, но Марил неловким движением смахнула его на пол. Звёздочка закатилась Юле под ноги, а немка сразу словно забыла о такой мелочёвке, потеряв к ней интерес. Выждав несколько минут, чтобы не привлекать внимание, Юля нагнулась и незаметно подняла звёздочку. Спрятав кусочек металла в кулаке, она чувствовала тепло и колкость значка.

Сохранился такой и у Бергманов: остался после службы Юрия Петровича в армии, встречалось изображение и на открытках, которые каждый год в мае получала баба Тома... Складывая вещи перед отъездом, Юля собрала мелкую памятную ерунду в жестяную коробку от чая и спрятала в тайник Тамары Изольдовны, — не смогла вынести вместе с мусором.

— Перестройка!.. Горбачёв!.. — в потоке немецкой речи Юля различила знакомые слова. Подняла глаза и встретила взглядом с Марил, одарившей её белоснежной улыбкой. Женщина подняла сжатую в кулак ладонь вместо приветствия. Ничего особенного — просто немка, впечатлённая Россией и городом великого Петра, — и только.

Но что-то вдруг перевернулось в Юле Бергман. Будто током обожгли слова, много раз

слышанные от бабы Томи: "Я не хочу знать, где на карте находится Германия!" Вопросы роились в Юлиной голове. Зачем она, еврейка, едет в Германию? Что нужно ей на чужой земле? Зачем этим немцам евреи? Где же родина, в каких краях? Перед глазами Юли стояла бабушка с её острым профилем и короткой чёлкой... Баба Тома была счастлива в Ленинграде счастлива тем, что, случись артобстрел, её дом стоит на неопасной стороне улицы. Её надежда в наволочке, набитой сухарями.

Эхом слышался Юле голос мамы: «Бросай всё! Приезжай!» И вдруг — звук метронома, отсчитывающего мгновения, подкатывающая к горлу тревога.

Самолёт пошёл на взлёт. Вот уже бескрайний город лежит внизу: длинные набережные, широкие проспекты, стальная Нева... Кажется, в Германию летит кто-то другой. А настоящая Юля Бергман осталась там, на пасмурных улицах. Она идёт по тротуарам, где ступала нога великих людей, а губы шепчут строки, льющиеся из сердца:

*Так прорастает память сквозь камень,
В нас не смолкает звон колокольный.
Плавится время — брусчатке не больно,
Годы спрессованы — камень и пламя.*

*Наши ладони, полные солнца,
Только созвездья жизни и света
Тянутся кверху; погоня за ветром —
Шпиль зазвенел — золотистый и тонкий.*

*Ангела голос над колокольной —
Неба литые чистые звуки,
Стрелки на башне — стиснуты руки —
Соединились — замрите и стойте.*

*Час для молитвы и откровений —
Полдень с полуночью соприкоснулись.
Колокол молвил, и камень очнулся:
Время пред вечностью на коленях.³*

¹ «Охтинский мост», Юлия Мусалимова.

² «Фонтанка (Михайловскому замку)», Юлия Мусалимова.

³ «Колокольная Петропавловского собора», Юлия Мусалимова.

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет», «Под солнцем цвета киновари»,

«Смотритель реки», «Жизнь по зёрнышкам».

Организатор

международного литературного фестиваля «Петроглиф».

Живет в Петрозаводске.

